

~~ЖУРНАЛЪ~~

ТРОПІНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 12.
ДЕКАБРЬ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. **ОДОВРЕНО** для учебн. библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библиотекъ высшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Бьялевская О. А. „Напѣль“. Стихотворенія. 40 к. **ОДОВРЕНО** для учебн. библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Егоровъ Л. М. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библиотекы высшихъ учебныхъ завед.

Мондуринъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Карроль Льюисъ. „Приключенія Алины въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск. Allegro. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Лондонъ Дженъ. „Буль“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библиотекы высшихъ училищъ.

ОДОВРЕНО для учебн. библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ завед. и для учебн. библиотекъ высш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи. Допущено въ ротныя библиотекы кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.*

Малахова-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.

ОДОВРЕНО для учебн. библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ завед. и для учебн. библиотекъ высш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунк. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к. **ОДОВРЕНО** для учебн. библиотекъ млад. возраста среднихъ учебныхъ завед. и для учебн. библиотекъ высш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн. библиотекъ среднихъ учебныхъ завед.

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ перепл. 80 к.

ОДОВРЕНО для учебн. библиотекъ млад. возраста среднихъ учебныхъ завед. и для учебн. библиотекъ высш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библиотекы высш. училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читал. и библиотекъ. Допущено въ ротныя библиотекы кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ перепл. 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн. библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допущено въ учебн. библиотекы городскихъ училищъ.

Манасеина Н. И. „Овсянни“. Пять разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ перепл. 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библиотекы высшихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн. библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОДОВРЕНО для учебн. библиотекъ младш. класс. ср. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Полещановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к. **ОДОВРЕНО** для учебн. библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ завед. и для учебн. библиотекъ высш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библиотекы высшихъ учебныхъ завед.

Соловьева П. С. (Allegro) „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками 3-е изданіе. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ перепл. 65 к.

ОДОВРЕНО для учебн. библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ завед. и для учебн. библиотекъ высшихъ учебныхъ завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библиотекы высшихъ училищъ.

1912 годъ.

Декабрь № 12.

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

Отъ редакціи.

Въ 1913 году изданіе журнала «Тропинка» прекращается.

Книгоиздательство же «Тропинка» будетъ расширено путемъ изданія не только отдѣльныхъ дѣтскихъ книгъ беллетристическаго и научнаго характера, но и альманаховъ или сборниковъ для дѣтей средняго и младшаго возраста. Книгоиздательство «Тропинка» будетъ преслѣдовать тѣ же цѣли, которыя преслѣдовалъ и журналъ «Тропинка» въ теченіи семи лѣтъ своего существованія.

Содержаніе.

1. Елочные гости—стихотвореніе *М. Пожаровой*.
2. Нашъ спектакль—разсказъ *З. Гиптусъ*.
3. Тишина въ лѣсу—стихотвореніе *А. Блока*.
4. Царевны—двѣ главы исторической повѣсти *Н. Манасеиной*. Рисунки *В. Бѣлкина*.
5. Комарики—Макарики—стихотвореніе *К. Бальмонта*.
6. Егорка—разсказъ *М. Моравской*.
7. Почему черепаха свой домъ на себѣ носитъ—стихотвореніе *О. Бѣляевской*.
8. Горы и пыль—*П. Соловьевой*.
9. Пустынникъ—картина *М. Нестѣрова*.
10. Нянино горе—стихотвореніе *М. Шагинянъ*.
11. Какъ строятъ моль—*В. Герсевичевой*.
12. Проишествіе—стихотвореніе *Урванцева*.
13. Детрономическія карты—*А. Лондисъ*.
14. Историческій календарь—*Н. Манасеиной*.
15. Досадная ошибка.
16. Загадочная картинка.
17. Рисунки однимъ штрихомъ.
18. Рѣшеніе задачъ.
19. Содержаніе журнала „Тропинка“ за 1912 годъ.

Елочные гости.

Стукъ, стукъ, стукъ!

— Кто стучить?

— Древній дѣдка-бородачъ
Въ ледяныхъ онучахъ,
На звѣркахъ пріѣхалъ

вскачь

Изъ лѣсовъ дремучихъ.

Дѣдушка-мохнатиць,

Пуховой халатиць!

Поглядимъ-ка въ щёлку:

Онъ привезъ намъ ёлку.

Стопъ, зайчата, у крыльца!

Довезли салазки.

Дѣдъ бормочеть безъ конца
Снѣговья сказки.

Борода метелкой,

Сѣтъ иней колкій,

Сѣтъ бисеринки,

Вьюжныя снѣжинки.

Топъ, топъ, топъ!—Кто бѣжитъ?

— Это Пряникъ-чудодѣй,

Вкусный человѣчекъ,

Тащить ворохи сластей,

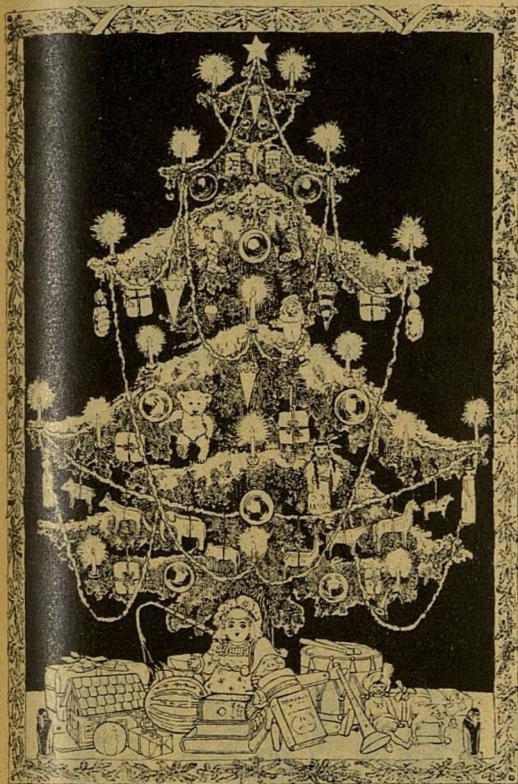
Бусь, орѣховъ, свѣчекъ.

Пряничный болванчикъ,

Золотой кафтанчикъ!

Здравствуй, гость румяный,

Сахарный, медвяный.

Дзинь, дзинь, дзинь!—Что звенить?

— Весь въ бубенчикахъ возокъ,—

Мчится конь ретивый:

Деревянный скаунокъ

Съ расписною гривой.

На возкѣ—подарки,

Веѣ пестры и ярки:

Дудки и хлопушки,

Бубны, погремушки.

Бимъ, бамъ, бомъ!—Что гудить?

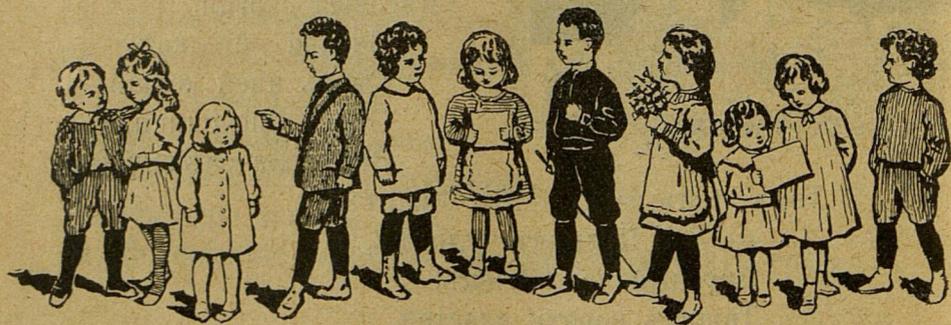
Это бьютъ въ колокола

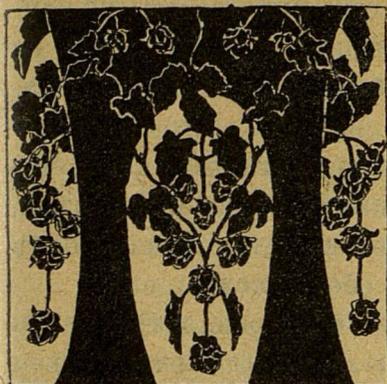
Стройно, величаво:

Ночь великая пришла,

Слава! Слава! Слава!

М. Пожарова.

Нашъ спектакль.

ОСЛѢ урока съ Яковомъ Семеновичемъ, сижу въ залѣ, въ уголкѣ, на полу, среди кучи моихъ собственныхъ книгъ и торопливо ихъ перелистываю.

Должна еще притти учительница музыки, но, къ счастью, я вчера вечеромъ обожгла палець, и учи-

тельницѣ на сегодня откажутъ. Все равно хорошаго бы не вышло: и съ Яковомъ Семеновичемъ я едва досидѣла урокъ, такъ была невнимательна, географіи не знала и видѣла, что онъ совѣмъ сконфузился. Онъ молодой, ходитъ ко мнѣ изъ Гоголевскаго Лицея, робкій, и всегда конфузится, когда я плохо учусь.

Ничего, я потомъ наверстаю, а сегодня мнѣ очень некогда: утромъ я выдумала одну вещь, надо поскорѣе о ней позаботиться.

Я выдумала поставить спектакль.

Прошлую зиму большіе все время ставили спектакли. Въ нашемъ городкѣ нѣтъ настоящаго театра, ставили сами, въ Гоголевскомъ Лицеѣ; меня возили на „Женитьбу“ и на „Ревизора“. Играли все наши знакомые, папа былъ режиссеромъ, у насъ часто репетиціи случались. Нынѣшнюю зиму тоже что-то думаютъ играть, только еще не рѣшили.

Почему же и мнѣ не поставить какую-нибудь пьесу? Я ужъ довольно большая,—одиннадцать лѣтъ минуло на прошлой недѣлѣ. Изъ залы у насъ въ столовую—арка, и даже занавѣсъ на кольцахъ. Совѣмъ сцена! Въ нижнемъ этажѣ нашего дома живетъ моя подруга Лида, хозяйкина дочь; ея

гувернантка, Каролина Петровна, даетъ мнѣ уроки нѣмецкаго языка и любитъ спектакли. Навѣрно поможетъ. А ея племянницы тоже будутъ играть, особенно Аня, вотъ обрадуется! Она въ Лицей ѣздила.

Устроимъ спектакль на Рождествѣ, вмѣсто елки. Что елка! Ужъ надоѣла. Елку любятъ самыя крошечныя дѣти, потому что блеститъ и конфеты. Большіе всѣ тоже любятъ елку. А мы на одинъ разъ безъ нея обойдемся.

Все это я рѣшила, и только одно осталось затрудненіе: гдѣ взять пьесу? Если просить у папы, у мамы спрашивать—пойдутъ разговоры, да скажутъ „нѣту для васъ“, да то, да се; лучше ужъ, когда все готово будетъ, тогда прямо и скажу.

Смутно мнѣ помнилось, что въ какой-то старой книжкѣ, въ концѣ есть напечатанное раздѣльно, съ именами вверху,—кто говорить. Притащила всѣ книжки въ залу, въ уголокъ, (въ залѣ не помѣшаютъ: папа въ судѣ, мама гулять пошла),—ищу.

Нѣтъ и нѣтъ нигдѣ. Ужъ пятую книжку листаю. Наконецъ—слава Тебѣ, Господи! въ сказкахъ дѣдушки Ирины нашлось. Только одна единственная, а настоящая пьеса.

Тутъ же я ее, не сходя съ мѣста, прочла (никогда раньше не читала!) Ну, какая есть; коли одна, такъ не изъ чего выбирать. Книжку подъ-мышку, закуталась въ пледъ—и бѣгу внизъ, по холодной широкой лѣстницѣ, къ Лидѣ и Каролинѣ Петровнѣ. А вдругъ мама придетъ—хватятся? Да Викторъ лакей скажетъ, что я на минутку внизъ пошла, онъ въ передней сидѣлъ.

Нижняя квартира тоже большая, только окна совсѣмъ на землѣ и потолки сводами.

Я застала Лиду и Каролину Петровну за чтеніемъ, въ ихъ комнатѣ, и немедля имъ все объяснила.

Лида была дѣвочка розовая, вялая и послушная, старше меня на годъ, но со мной во всемъ согласная. Играть на сценѣ ей, однако, понравилось, хотя и сказала, что страшно.

Каролина Петровна сжала губы, потрогала очки, посмотрѣла на сказки дѣдушки Иринея и проговорила.

— Это очень хорошо. Это прекрасное занятіе. Ты испросила разрѣшеніе твоихъ родителей?

Пришлось сказать, что еще не испросила. Но тутъ же я стала убѣждать Каролину Петровну не останавливаться передъ этимъ, вѣдь они навѣрно разрѣшатъ! и мы принялись за чтеніе пьесы.

Пьеса была такая: въ пансіонѣ есть два друга: Катенька и Лизанька. Онѣ хорошия, а Сонюшка дѣвочка злая и хитрая, она ихъ ссорить, говоритъ Катенькѣ, что Лизанька надъ ней насмѣхается, а Лизанькѣ, что Катенька надъ ней насмѣхается. Въ концѣ это все выходитъ наружу, благодаря сыну начальницы, Сережѣ. Подруги мирятся, начальница стыдитъ Сонюшку, и она плачетъ.

Читали мы, читали пьесу, начали обсуждать, кому какая роль, даже Лида увлеклась, и часы позабыли. Пришелъ Викторъ за мной: папа дома, спрашиваетъ.

Я испугалась, скорѣй бѣжать. Вѣдь безъ позволенія ушла!

Однако я не стерпѣла, сразу папѣ и мамѣ про все начала рассказывать. Такъ быстро говорила, что они долго не могли ничего понять. Наконецъ поняли. Я и пьесу тутъ же рассказала, и что Каролина Петровна будетъ помогать, и гдѣ сцена, и все. До Рождества больше мѣсяца, столько времени!

Папа былъ веселъ, позволилъ, и репетиціи у насъ днемъ, въ праздники, позволилъ. Только сказалъ, что если я изъ-за этого стану хуже учиться, и онъ замѣтитъ, то чтобы я и не думала о спектакляхъ.

II

Выходило по всему, сколько мы ни толковали, что мнѣ надо играть хитрую Сонюшку. Въ пьесѣ написано, что она рыжая, а у меня какъ разъ рыжеватыя косы. И она больше всѣхъ говоритъ. Лида взялась за Катеньку, а черноглазая Аня, племянница Королины Петровны, захотѣла играть Лизаньку, потому что Лизанька въ одномъ мѣстѣ падаетъ на стулъ въ рыданіяхъ, и Анѣ это нравилось. Другія дѣвочки тоже находились. А начальницу, какъ я придумала, сыграетъ Манюся, знакомая моя большая дѣвочка, Рябцова, дочь нашего прокурора. Ей ужъ четырнадцать лѣтъ, и она какая-то глупая, неспособная. Однако, если ее нарядить большой и выучить—сможетъ, потому что словъ мало. У Манюси много братьевъ; мы думали—кого взять для Сережи, сына начальницы? Но братья ужъ совсѣмъ глупые; придешь къ Рябцовымъ въ гости—они только и предлагаютъ: полѣзете, братцы, на крышу! Никакого смысла.

Наконецъ Анѣ пришлось въ голову взять своего двоюроднаго брата, какъ разъ и звали то его Сережей. У него были ужасно оттопыренные уши, но говорилъ онъ бойко; мы на немъ и порѣшили.

Начались репетиціи. Роли мы себѣ переписали сами, какъ надо, только для Манюси я переписала; она не могла понять, что куда, и почему не сплошь переписывать.

Каролина Петровна насъ учила и распоряжалась. Мы не хотѣли, чтобы изъ большихъ кто-нибудь приходилъ на наши репетиціи, и мама съ папой—никогда. Только если мы репетировали внизу, у Лиды, то ея мама бывала; но ея мы не боялись, она и театра никогда не видывала, толстая была, молчаливая; придетъ, послушаетъ, повздыхаетъ, и уйдетъ.

На репетиціяхъ было очень весело. А разъ вышла бѣда, чуть весь спектакль не разстроился.

Дѣло въ томъ, что мнѣ моя роль хитрой Сонюшки нравилась не въ концѣ, гдѣ она такъ глупо попалась, ее всѣ стыдятъ и она плачетъ, а въ началѣ: затѣяла поссорить, и хитритъ и все ей удается. И когда я говорила начало, то есть въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, то мнѣ начинало казаться, что я и вправду эта самая злая Сонюшка; и я ужъ не знала, какую бы еще штуку придумать позабавнѣе и позлѣе.

Аню я изъ дѣвочекъ больше всѣхъ любила, но когда она по пьесѣ дѣлалась Лизанькой, и я ее ссорила съ Катенькой, то она мнѣ и вправду становилась не мила. А кромѣ того она очень смѣшно падала съ размаху на стулъ и рыдала.

Вотъ разъ на репетиціи, у насъ въ столовой, когда Аня такъ стала падать на стулъ, я взяла, да этотъ стулъ изъ-подъ нея и выдернула. Аня упала на полъ, а я въ ту же минуту поняла, что сдѣлала ужасно плохо: вдругъ да все изъ-за этого разстроится?

На меня напали, бросились Аню утѣшать, которая и въ самомъ дѣлѣ заплакала, Каролина Петровна рѣшительно объявила, что никакого спектакля она не хочетъ,—словомъ, пошла бѣда! Я ужъ не знала, что дѣлать. Едва-едва уломали Каролину Петровну, сама Аня просить стала, ей всетаки хотѣлось играть и бросаться на стулъ.

III

Какъ обѣщала я папѣ не отвлекаться отъ уроковъ, такъ и дѣлала, а все же рада была, когда восемнадцатаго декабря уроки и у меня, и у другихъ кончились. Тутъ ужъ мы принялись за репетиціи каждый день.

Насчетъ елки, я хоть и сама отказалась отъ нея, однако,

чѣмъ ближе подходило Рождество, тѣмъ о ней больше думала. Молчала, конечно, а всетаки безъ елки будто и не Рождество. Одна была надежда: вѣдь большіе сами любятъ елку, имъ тоже безъ нея скучно. Такъ и вышло. Къ сочельнику елка уже стояла, и мама только улыбнулась, когда я бросилась ее цѣловать, и сказала, что мы елку увѣсимъ прошлогодними украшеніями. Всего и купить—свѣчей, да конфетъ.

Правда, почему если спектакль, то ужъ нельзя елку? Елка въ сочельникъ, а спектакль на третій день.

Въ сочельникъ репетиціи не было, а мы зажигали елку; были маленькіе Рябцовы, и дѣти Штернъ, и еще другія; мы имъ раздавали картонажи, а потомъ Каролина Петровна играла на рояли, чтобы дать маленькимъ повеселиться. И мы съ ними танцевали.

Наконецъ, пришелъ второй день Рождества. Въ этотъ день у насъ должна была быть генеральная репетиція. То-есть послѣдняя, и ужъ совсѣмъ, какъ спектакль, съ занавѣсью; мы въ пансіонскихъ передникахъ, а Манюся въ длинномъ платьѣ.

Лида мама и Каролина Петровна просили сдѣлать генеральную репетицію у нихъ внизу, потому что очень много знакомыхъ желали видѣть нашъ спектакль, и сразу всѣ въ нашей верхней залѣ не умѣстились бы.

Внизу тоже столовая была съ аркой, но столовая меньше, и занавѣсъ сшили коленкоровый, у насъ же висѣлъ тяжелый, синій на кольцахъ.

Народу собралось много, дамы и незнакомыя дѣти изъ нѣмецкой школы. Аня стала ужасно бояться и говорила, что все забудетъ. Сережу подстригли, уши у него сдѣлались совсѣмъ торчкомъ, но онъ храбрился, а Манюся заплакала.

Прозвонилъ звонокъ, занавѣсъ распахнули, Аня и Лида побѣжали на сцену.

Мнѣ было не страшно, я себѣ говорила, что это все-таки не спектакль еще, а репетиція; и роль свою я знала наизусть очень хорошо.

Однако этотъ вечеръ, какъ разъ для меня, сошелъ не совсѣмъ благополучно.

Въ одной сценѣ я подслушиваю чужой разговоръ, а потомъ должна, какъ бы нечаянно, стукнуть стуломъ, будто сейчасъ вошла. Обертываюсь, ищу стула—нѣту! Мнѣ даже мелькнула мысль, не Аня ли въ отместку за старое это подстроила. Но, конечно, это вышло нечаянно. Вотъ бѣда то! Ни стула, ничего нѣтъ подъ руками, я оглядываюсь, а тѣ ужъ свое сказали, ждуть меня, молчать. Можетъ, это все двѣ секунды продолжалось, но я струсила; все погибло! Въ отчаяніи принялась громко кашлять. Будь, что будетъ! Къ счастью, Аня и Лида поняли и заговорили, что слѣдовало потомъ.

Мама моя была въ залѣ, она замѣтила, а многіе не замѣтили, подумали, что такъ и слѣдуетъ.

Дальше прошло гладко, только Манюся пришепетывала, и Каролина Петровна, которая была у насъ суфлеромъ, такъ громко ей подсказывала, что въ залѣ все слышали.

Послѣ—насъ хвалили, угощали, но мама скоро увела меня наверхъ, спать, потому что настоящій то спектакль—завтра!

Съ утра на другой день мы ужъ хлопотали, а только что обѣдъ кончился, начали готовить сцену. Мама велѣла постелить коверъ, а сзади поставить двѣ красивыя ширмы—кулисы. Диванчикъ, столъ большой, стулья, все, какъ слѣдуетъ. Съ боковъ высокіе фікусы, чтобы не видно, откуда выходятъ.

На елкѣ у насъ было много маленькихъ фонариковъ, и я придумала поставить ихъ въ рядъ, на полу, какъ въ Лицеѣ было. Это называется, „рампа“. Только папа велѣлъ ихъ

установить подальше отъ занавѣси, къ залѣ, чтобы не случился пожаръ.

Мы одѣвались, кто за ширмами, кто въ задней комнатѣ, а ужъ начали собираться гости. Мама дала Манюсѣ еще черное кружево на голову; въ длинномъ платьѣ и съ кружевной наколкой Манюся сдѣлалась совсѣмъ начальница. Она ужъ больше не плакала и перестала бояться.

У Сережи отъ волненія уши покраснѣли, и я его дразнила, что всѣ будутъ глядѣть на его уши и даже не замѣтять, хорошо онъ сыгралъ или дурно.

Въ щелочку занавѣси я поглядѣла на гостей: они уже сидѣли на стульяхъ и ждали, когда мы начнемъ. Тутъ были всѣ наши знакомые, и тѣ дамы, которыя сами играли въ Ревизорѣ и въ Женитьбѣ. Анна Романовна, жена члена суда, сидѣла въ первомъ ряду. Она тогда играла лучше всѣхъ; о ней говорили, что она совсѣмъ настоящая актриса; увидавъ ее такъ близко—я испугалась: навѣрно будетъ смѣяться надъ нашимъ спектаклемъ! Ну, да пусть. Вѣдь мы же не актеры; какъ умѣемъ, такъ и играемъ.

Аня волновалась ужасно и даже крестилась потихоньку, передъ звонкомъ. А когда прозвонили, занавѣсъ тихо раздвинулася, Аня побѣжала на сцену очень смѣлая, только блѣдная немножко.

Начало пьесы мнѣ нравилось, и я сама выбѣжала весело. Стулъ, которымъ мнѣ надо было двинуть, стоялъ на мѣстѣ, но я вдругъ сообразила, что сколько имъ ни двигай, по ковру онъ не стукнетъ: я взяла и уронила его. Дѣвочки оглянулись, и вышло очень хорошо, совсѣмъ какъ будто взаправду.

Фонарики на полу отсвѣчивали, мнѣ было не очень ясно видно залу, и Анна Романовна казалась дальше; да я потомъ и забыла о ней.

Все шло очень хорошо до самой послѣдней сцены, когда

Сонюшка поналась, и ее всѣ бранять. Сережа съ красными ушами наскакивалъ на меня пѣтухомъ, а Манюся тоже начала кричать, присюсюкивая. Дѣвочки, которыхъ я, Сонюшка, все время ссорила, тутъ умоляютъ Манюсю-начальницу: „простите! простите ее!“ А Манюся должна говорить: не „стыдно ли вамъ? Онѣ же за васъ просятъ!“

Но у Манюси заплелся языкъ, и она сказала: „Онѣ-же за просъ васятъ!“.

Сказала это не громко, многіе и не замѣтили, но на меня вдругъ напалъ ужаснѣйшій хохоть. Мнѣ слѣдуетъ рыдать, закрывшись платкомъ. Я поскорѣе закрылась, и прегромко начала хохотать. Выгляну, увижу Манюсино растерянное лицо, красныя Сережины уши торчкомъ, вспомню—и опять зальюсь. Только старалась, чтобы изъ-за платка было похоже, что я такъ громко рыдаю, не могу остановиться.

Меня ужъ давно простили, а я все не успокоюсь. Наконецъ бросилась на шею къ Манюсѣ, хотя по пьесѣ этого не полагалось. Аня и Лида, увидавъ, что пора кончить, тоже принялись меня цѣловать, и вышло даже гораздо лучше, трогательнѣе.

Занавѣсъ сдвигали, потомъ опять раздвигали, гости намъ хлопали въ ладоши, кричали „браво“, мы выходили, взявшись за руки, и кланялись. Сережа шаркалъ ногой, а мы присѣдали, и Манюся тоже, хотя было смѣшно, что присѣдаетъ начальница въ длинномъ платьѣ.

Черезъ полчаса, когда изъ зала унесли стулья и мы напились чаю въ большой угловой, пришелъ таперъ и мы стали танцовать.

Дѣтей было, кромѣ насъ, не много, но мы очень веселились, вмѣстѣ съ нами танцовали и большіе гости. Самъ папа сдѣлалъ туръ вальса съ Анной Романовной.

Одна Манюся надѣла другое платье, а мы остались, какъ были, въ пансіонскихъ передникахъ.

Въ промежуткахъ между танцами гости разговаривали съ нами, спрашивали, откуда мы взяли пьесу, много ли было репетицій. Очень хвалили Аню и меня. Папа Манюси, старенькій прокуроръ Иванъ Васильевичъ, сказалъ, что ему очень понравилось, какъ я въ концѣ рыдала. Я вспомнила все, за-смѣялась опять и говорю:

— Да я вовсе не рыдала. Мнѣ было такъ смѣшно, такъ смѣшно, я оттого и платкомъ закрылась. Вотъ хорошо, что вы ничего не замѣтили!

Мама послѣ кадрили подозвала меня къ себѣ. Тамъ съ ней на маленькомъ диванчикѣ, въ уголкѣ за жардиньеркой, сидѣла Анна Романовна. Она взяла меня за руку, притянула къ себѣ, поцѣловала, и улыбнулась.

— Ну, что жъ, весело играть?

— Очень! Очень! Только я не умѣю. Надо плакать, а я смѣюсь.

— Ничего,—сказала Анна Романовна,—ты очень хорошо играешь, совѣмъ хорошо. Когда выростешь, будешь настоящей актрисой. Хочешь быть актрисой?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не хочу!

Анна Романовна удивилась и спросила:

— Почему?

Я сконфузилась, потому что не подумала и сразу не умѣла сказать, почему не хочу.

— Вотъ Аня... которая Лизаньку играла... Она очень хочетъ сдѣлаться актрисой...

— Тоже отлично играла, я замѣтила. А ты отчего же не хочешь ни за что быть актрисой?

Я разсердилась, что она пристаётъ и ужъ хотѣла отвѣ-

тить: „такъ“, но въ эту минуту подошелъ папа. Онъ очень не любилъ, когда на вопросы отвѣчали „такъ“.

— Вотъ, ни за что ваша дочка не хочетъ быть актрисой,— сказала Анна Романовна папѣ,—а почему—не говорить.

Мама вступилась.

— Да и прекрасно, что не хочетъ. Зачѣмъ ей непременно дѣлаться актрисой?

Я ужь хотѣла убѣжать, кстати опять вальсъ заиграли, но папа спросилъ:

— А всетаки подумай и скажи, почему тебѣ не нравилось бы сдѣлаться актрисой? Вотъ Анна Романовна хочетъ знать.

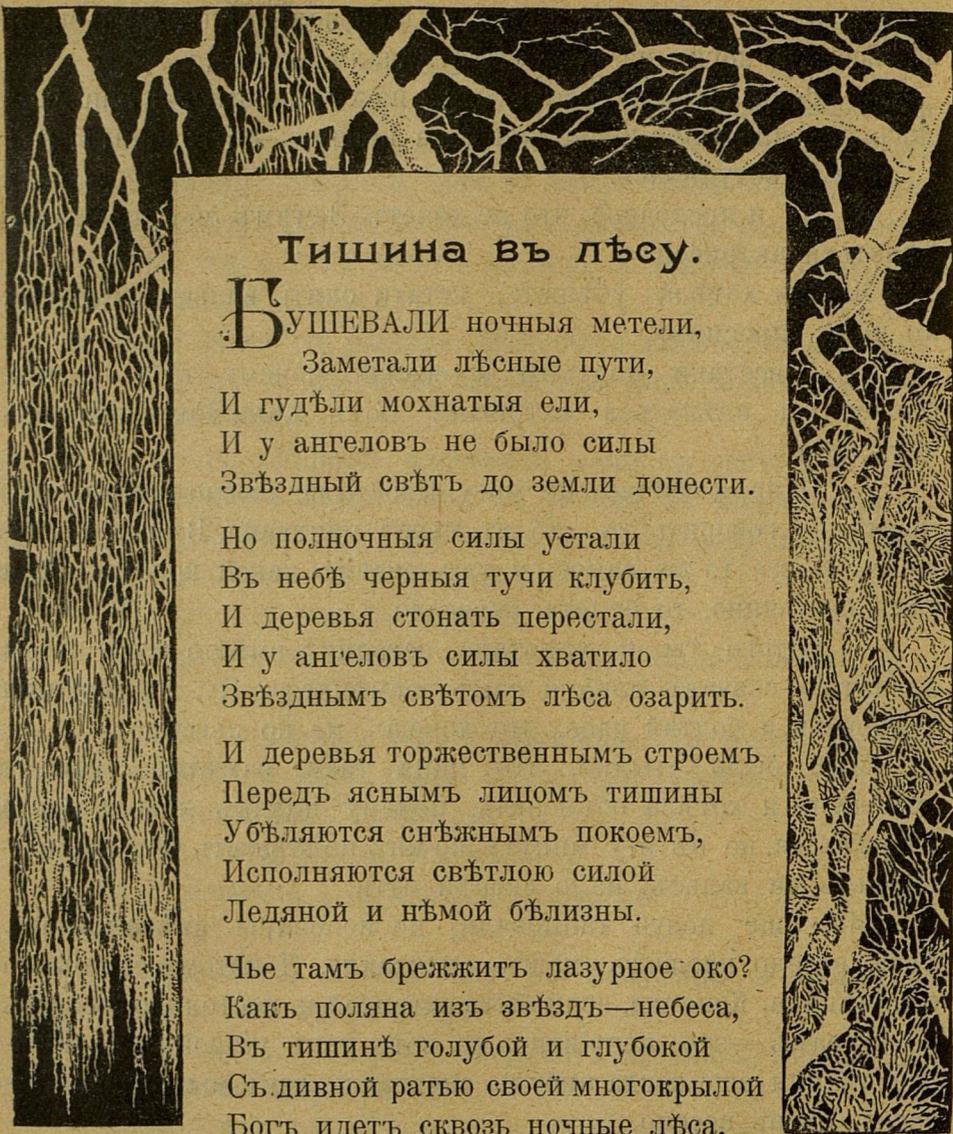
— Папа, я сейчасъ не могу. Просто не весело всегда... непременно говорить то, что въ пьесѣ написано. Всегда по чужому. И все то же самое, и ужь знаешь, какой конецъ. Если такъ постоянно, то будетъ невесело.

— Оттого ты и хохотала сегодня, вмѣсто того, чтобы плакать?—сказалъ папа и самъ засмѣялся.—Ну, хорошо, иди танцовать и болтай свое, что хочешь, не по пьесѣ.

Мнѣ было стыдно, что папа таки замѣтилъ, какъ я смѣялась, я хотѣла объяснить, почему никакъ нельзя было удержаться, но въ эту минуту ко мнѣ подбѣжалъ Сережа, пригласилъ на вальсъ: надо скорѣй итти.

Мы еще долго танцовали, до половины двѣнадцатаго. Такъ весело прошелъ нашъ спектакль. Я потомъ часто его вспоминала. Конечно, если быть актрисой и постоянно говорить по пьесамъ,—это неприятно; но вотъ такъ устроить, на Рождествѣ или еще когда нибудь, спектакль, какъ мы устроили,—очень, очень весело.

3. Гиппиусъ.

Тишина въ лѣсу.

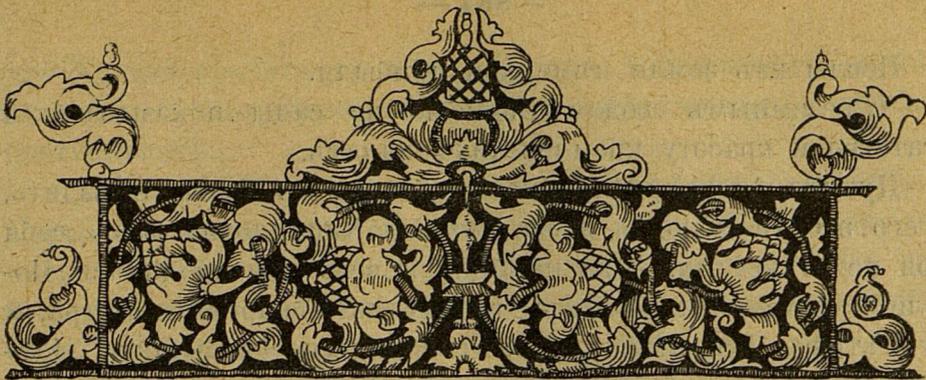
БУШЕВАЛИ ночныя метели,
Заметали лѣсные пути,
И гудѣли мохнатыя ели,
И у ангеловъ не было силы
Звѣздный свѣтъ до земли донести.

Но полночныя силы устали
Въ небѣ черныя тучи клубить,
И деревья стонать перестали,
И у ангеловъ силы хватило
Звѣзднымъ свѣтомъ лѣса озарить.

И деревья торжественнымъ строемъ
Передъ яснымъ лицомъ тишины
Убѣляются снѣжнымъ покоемъ,
Исполняются свѣтлою силой
Ледяной и нѣмой бѣлизны.

Чье тамъ брежжитъ лазурное око?
Какъ поляна изъ звѣздъ—небеса,
Въ тишинѣ голубой и глубокой
Съ дивной ратью своей многокрылой
Богъ идетъ сквозь ночныя лѣса.

А. Блокъ.

Царевны *).

I.

ЖАРКО и душно царевнѣ. Мѣста себѣ не находитъ Федосьюшка. Думала послѣ обѣда соснуть въ своей опочивальнѣ, да за кисейный пологъ комары забрались. Мама Дарья Силишна захрапѣла, едва голову на лавку положила. Не будилась ее Федосьюшка. Встала сама, чтобы кого изъ дѣвушекъ въ сѣняхъ свистулечкой серебряной позвать. Да раздумала. Свистулечку назадъ на дубовый столъ, алымъ сукномъ понакрытый, положила.

„Послѣ обѣда все равно никого не докличешься. Спать всѣ. А сегодня и подавно“.

Только утречкомъ вернулась въ Москву государева семья со всѣми боярами, боярынями верховыми и со всей челядью дворцовой. Думали въ Измайловѣ среди зеленыхъ садовъ недѣлю цѣлую для прохлады пожить, да Алексѣю Михайловичу случилась нужда на Москвѣ побывать.

*) Мы печатаемъ въ послѣднемъ № „Тропинки“ двѣ первыя главы повѣсти Н. И. Манасеиной „Царевны“, такъ какъ эти главы могутъ быть прочитаны, какъ отдѣльный рассказъ. Вся повѣсть „Царевны“ выйдетъ въ слѣдующемъ году отдѣльнымъ издашемъ.

Послы изъ земли нѣмецкой прибыли.

Чужеземнымъ людямъ надобно не сады показывать, а богатство и красоту кремлевскихъ палатъ.

Думаль Алексѣй Михайловичъ одинъ въ Москву съѣздить, да его вторая молодая жена Наталья Кирилловна безъ себя царя не отпустила. А за царицей и весь домъ поднялся. Повезли и дѣтокъ ея малыхъ: трехлѣтняго царевича Петра, и двухлѣтнюю Натальюшку, и годовалую Ѳеодорюшку. Поѣхали и дѣти отъ первой покойной жены государя: царевичъ, наслѣдникъ объявленный, девятнадцатилѣтній Ѳеодоръ и десятилѣтній Иванъ. Поднялись и всѣ шесть дочерей-царевенъ, начиная съ Евдокіи старшей, кончая двѣнадцатилѣтней Ѳедосьюшкой. Потянулись за всѣми и сестры царевы—три царевны: Ирина, Анна и Татьяна Михайловны.

Чуть не полъ-сотни колымагъ, да больше сотни подводъ изъ села Измайлова къ Москвѣ тронулось. Тучей встала отъ этого поѣзда пыль по давно не выдавшей дождя дорогѣ. Царевны только потому насквозь не пропылились, что окошки въ ихъ колымагахъ простояли по обычаю весь путь не только запертými, но еще камкой персидской позавѣшанными. Пропылились не такъ, чтобы очень, а чуть не задохлись отъ тѣсноты да духоты.

Царевна Софья все бунтовала, все пытала окошко открыть, да царевна Евдокія старый порядокъ отстояла:

— Не гоже, сестрица. Упаси Богъ, ненарокомъ, кто чужой насъ, фатой ненакрытыхъ, увидитъ—кругомъ народъ.

Такъ и доѣхали запертými, да занавѣшанныя.

Ѳедосьюшка послѣ ѣзды этой никакъ отойти не можетъ. Мутитъ ее. Голова кружится. Она и всегда слабая, а тутъ качало ее видно. За обѣдомъ ничего въ ротъ не взяла. Думала отоспаться. Комары не дали.

Ходить-бродить по своимъ тремъ покойчикамъ царевна, золочеными высокими каблучками сафьяновыхъ чеботковъ постукиваетъ.

Въ опочивальнѣ ей не сидится. Ужъ очень расхрапѣлась Дарья Силишна. Въ столовомъ покоѣ мухи. Съ обѣда остались, да мамушка еще ложку изъ-подъ варенья убрать позабыла. Въ крестовой, крошечной моленной, уставленной образами, съ узкимъ оконцемъ—темно и мухъ нѣтъ. Думала Федосьюшка здѣсь приткнуться, да не усидѣла. Скучно ужъ очень. Назадъ пошла въ опочивальню.

Подъ самыми окошками царевниныхъ покоевъ садъ комнатный. Настежь раскрыла слюдяную оконницу царевна. Пахнуло на нее запахомъ лилейнымъ. На всѣхъ длинныхъ грядкахъ, что тянулись подъ окошками царевнѣ, сразу всѣ лилеи желтыя и бѣлыя распустились и запахомъ своимъ заглушили всѣ другіе цвѣты и душистыя травы.

Захотѣлось Федосьюшкѣ на лилеи поближе поглядѣть. Изъ окошка въ садъ совсѣмъ мало видно. Покои ея въ самый уголышекъ втиснуты.

Семья у Алексѣя Михайловича ужъ очень велика. При матери родной Федосьюшка возлѣ государыни Маріи Ильиничны помѣшалась, а при мачихѣ Наталіи Кирилловнѣ ее въ уголышекъ къ сестрицамъ да теткамъ втиснули. Едва выгадали покойчики.

Тѣсно у царевны.

Хорошо, что сама она, какъ былинка, тоненькая, да боярынь, боярышень и челяди разной у нея, противъ другихъ сестриць, совсѣмъ мало, а карлицъ, да дурокъ, да шутихъ, которыми кишмя кишать женскіе покои, и совсѣмъ никого.

Не любитъ ихъ Федосьюшка.

— Шуму отъ нихъ много, а не веселятъ что-то онѣ меня,—такъ говорить.

Пошла царевна, крадучись, мимо расхрапѣвшей мамы, да чеботокъ не во-время коблучкомъ какъ разъ подъ ухомъ Дарьи Силишны пристукнуть—она сразу и вскочила.

— Заспалась никакъ? Ахъ ты, грѣхъ какой! Да куда же ты, государыня царевна, собралась?

— Испить бы мнѣ чего холодненькаго, мамушка,—попросила Федосьюшка.

— Охъ, и сама я попью. Вотъ ужъ попью. Внутри все присохло съ жары да съ пыли. Обожди малость. Мигомъ тебѣ мама кваску добудетъ.

— Мнѣ бы водицы малиновой...

— Ужъ знаю, знаю, чего тебѣ надобно. Квасъ то я сама люблю,—на ходу откликнулась Дарья Силишна и, оправляя съѣхавшую во время сна кичу, развалисто заторопилась къ дверямъ.

Долго дожидалась ее Федосьюшка.

— Да развѣ теперъ на Сытномъ дворѣ чего добьешься,—оправдывалась вернувшаяся, наконецъ, мамушка.—Всѣ сразу поднялись, всѣ испить просятъ. Челядь у ледниковъ да погребовъ съ ногъ сбилась. Кому квасу, кому меду бѣлаго, кому ягоднаго, кому яблочнаго, кому можжевеловаго, кому черемуховаго, кому воды ягодной, кому пива холодненькаго. Такъ во всѣ концы жбаны и растаскиваютъ. А тутъ еще меня въ сѣняхъ государыни постельница позадержала. Такое мнѣ слово сказала, что сразу я даже ушамъ не повѣрила.

— Что же такое сказала она тебѣ, мамушка?—заинтересовалась Федосьюшка и поставила на столъ пустой серебряный ковшъ изъ-подъ малиновой воды.

— А то сказала, что государыня на утро къ Троицѣ-Сергію собралась.

— Быть не можетъ!—всполошилась Федосьюшка.—Только

сегодня изъ Измайлова вернулись... Да и разговора о томъ, чтобы на богомолье итти не было... Пословъ нѣмецкихъ глядѣть хотѣли.

— А ты обожди малость, и все я тебѣ, Федосья Алексѣевна, порядкомъ скажу.

Дарья Силишна опустила на лавку, накрытую алымъ суконнымъ полавочникомъ, и продолжала:

— Нынче, либо на дняхъ, сонъ нехорошій государынѣ, говорятъ, привидѣлся. Вспомнилось ей, что давно она у Троицы-Сергія не бывала. Весной изъ-за дороги — совсѣмъ проѣзда туда не было, — и на пятое іюля, день обрѣтенія святительскихъ мощей, тоже не удалось побывать царицѣ въ обители. У царевны Федорушки тогда зубки тяжело рѣзались. И напала вдругъ тревога на государыню. Не хочу, говорить, осеняго большого похода съ царемъ-батюшкой дожидаться. Одна помолюсь угоднику. Онѣ, Святитель, во снѣ мнѣ о себѣ напомнилъ. Отпросилась государыня у царя батюшки. Завтра же въ обитель идетъ.

— А мы какъ же? Когда же насъ собирать будутъ? У Федосьюшки сразу и глаза заблестѣли, и румянецъ на щекахъ заигралъ. Очень любила она въ обитель ѣздить.

— А про васъ, царевенъ, точно и рѣчи не было. Похоже, что на этотъ разъ царица одна ѣдетъ. Наспѣхъ ѣдетъ. Собрать то васъ всѣхъ не мало времени надобно.

Такъ болѣе ничего и не добила отъ своей мамы царевна. Порѣшила въ комнатный садъ пройти.

Тамъ сестрицы всегда послѣобѣденный сонъ разгуливали. Съ ними захотѣлось поговорить Федосьюшкѣ.

Одна за другой выходили изъ своихъ покоевъ заспанная царевны. Сверхъ тафтяныхъ рубахъ накинули онѣ для выхода шелковыя распашницы. Всѣ жаловались на духоту, на комаровъ и мухъ.

— А про васъ, царевнѣ, точно и рѣчи не было.

— Послѣ Измайловскаго приволья по дощанымъ дорожкамъ, пескомъ понакрытымъ, и ступать не охота,—проворчала царевна Катерина. Хмурая стала у расписанныхъ зеленымъ аспидомъ и золотомъ входныхъ дверей.

— А ты подумай, каково безъ сада то жилось. Дальше сѣней и ступить было бы не куда,—попробовала разговаривать сестрицу, шедшая слѣдомъ за нею, веселая царевна Марьюшка.—Спасибо батюшкѣ, что подумалъ о насъ затворницахъ, да садъ велѣлъ подъ самыми окошками развестъ.

— Ну и садъ! Двѣнадцать саженой въ длину да въ ширину восемь. Не разгуляешься.

— А гулять мы послѣ вечерень въ Верховой садъ пойдемъ. Батюшка наказалъ тамъ всѣмъ собираться. Полно бурчать, Катеринушка. Пойдемъ лучше крыжовнику пощипать.

И веселая Марьюшка, ухвативъ сестрицу за висячій расшитый серебромъ и жемчугомъ рукавъ распашницы, потянула ее въ конецъ сада къ каменной стѣнкѣ съ частыми, высоко отъ полу посаженными, рѣшетчатыми окошками. Здѣсь росли рядами нѣсколько кустовъ крыжовнику, красной смородины и малины. Здѣсь же, присѣвъ у куста, уже лакомилась ягодами старшая царевна Евдокеюшка.

— Въ Измайловѣ крыжовникъ куда слаще! А и колкій же онъ здѣсь!—И Евдокеюшка протянула сестрамъ поцарапанную пухлую бѣлую руку.

— Развѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, либо боярышень кликнуть ягодъ собрать?—предложила Катеринушка.

— И что придумала! Развѣ съ сѣнными дѣвушками да съ боярышнями здѣсь повернешься,—остановила ее Евдокеюшка.—Да и ягодъ здѣсь всѣмъ не хватитъ,—прибавила она.

— А вотъ и Софьюшка съ Марейнкой пожаловали,—сказала Марьюшка.

По дорожкѣ между длинныхъ грядъ, огороженныхъ расписными досками и цвѣтными столбиками, на которыхъ висѣли проволочныя клѣтки съ канарейками и перепелками, шли рядышкомъ двѣ царвны-сестрицы подружки.

Старшей изъ нихъ Марѣѣ было изрядно за двадцать. Софѣѣ всего девятнадцатый кончался. Обѣ онѣ были рослыя, плотныя, чернобровыя, бѣлолицыя. Марѣинька и лицомъ и фигурой была очень схожа съ Софьюшкой. Малость пониже только сестрицы младшей была она, да и яркости Софьюшкинаго лица у ней не хватало. Всѣ краски на немъ точно повыцвѣли. Въ черныхъ глазахъ, которыми Софьюшка, какъ огнемъ опаляла, того жару не было, брови соболиныя такъ высоко, смѣло и гордо, какъ у сестрицы младшей, у старшей не взлетывали.

— Сестрицы, государыня Наталья Кирилловна на утро къ Сергію Преподобному идетъ,—сказала Софья, подойдя къ засѣвшимъ подъ крыжовникомъ и смородиной сестрамъ.

Точно вспугнутыя птицы, поднялись, шурша шелковыми одеждами, царевны.

— На утро! Къ Сергію Преподобному? А насъ когда оповѣщать будутъ? Собраться не успѣемъ!—раздались, заглушая птичье пѣнье, дѣвичьи голоса.

А къ царевнамъ-сестрицамъ уже три тетки, сестры царевы, поспѣшаютъ.

— Въ походъ богомольный на утро идетъ государыня. Никому не сказавшись, идетъ.

У тетокъ, старыхъ дѣвушекъ, лица обиженныя. Особенно недовольна старшая Ирина Михайловна, въ молодости веселая красавица, первая пѣсенница и хороводница, а теперь богомолица и постница, всегда суровая, неулыбающаяся, съ худымъ желтымъ лицомъ. Лѣтъ ей не мало. За сорокъ давно. Когда скончалась первая братнина жена, Марья Ильинична Милославская, Ирина Михайловна, до новой его женитьбы, всѣмъ теремомъ, какъ старшая, заправляла, а какъ женился царь, сразу конецъ ея власти пришелъ.

Уже три года, какъ молодая царица всѣмъ заправляетъ, а всѣ царевны и бѣльшія и мѣньшія изъ ея рукъ смотрятъ. Особенно много воли забрала она, какъ Петръ-царевичъ родился. И прежде царь Наталію Кирилловну сильно любилъ, а теперь просто души не чаеть. На все согласенъ, что только скажетъ царица.

— Ей бы съ нами по уговору, по согласію, а она все тишкомъ, да молчкомъ,—негодуетъ Ирина Михайловна и постукиваетъ отъ раздраженія своимъ драгоценнымъ посохомъ изъ кипарисоваго дерева. Каменьями, золотомъ посохъ этотъ изукрашенъ. Достался онъ Иринѣ Михайловнѣ отъ матери ея Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой, жены перваго царя изъ рода Романовыхъ, Михаила Ѳедоровича. Не разстается съ нимъ царевна никогда.

— Государыня лѣсами зелеными поѣдетъ, въ шатрахъ на душистыхъ полянахъ ночевать станетъ, а мы здѣсь въ духотѣ, да жарѣ...—жалобно, чуть не плача, проговорила не въ мѣру растолстѣвшая Анна Михайловна.

— На свѣтъ Божій взглянуть всякому хочется,—поддержала сестру Татьяна Михайловна.

— Изъ потайного мѣста, изъ-за запыны шелковой на пословъ нѣмецкой земли—поглядимъ,—съ подзадаривающей насмѣшкой вдругъ вставила, сверкнувъ глазами, Софья.

Шестнадцатилѣтняя Катеринушка на эти ея слова даже рукой отмахнулась.

— Изъ-за запыны съ потайного мѣста на пословъ глядѣть! Придумала. Теперь въ зелень густую, въ перелѣски подъ небо широкое тянетъ...

— А хуже всего, что не по обычаю царица поступаетъ,—перебила Катеринушку Ирина Михайловна.—Негоже такъ то, не посовѣтовавшись, да не предупредивши.

— Не блюдетъ старыхъ обычаевъ Наталья Кирилловна, — поддержала сестру Анна Михайловна.

— И не впервой это, — подхватила было и Татьяна Михайловна, но звонкій голосъ Марьюшки покрылъ ея слова:

— Попросимся у государыни, чтобы и насъ взяла съ собой и вся недолга.

Противъ этого слова никто не сказалъ. Всѣмъ была охота великая у Троицы-Сергія побывать. Только, какъ стали перебирать, кого проситься посылать — всѣ призадумались.

Большія царевны — тетки сразу итти отказались.

— Негоже это намъ. Годы наши не такіе, чтобы спрашиваться. Откажетъ — обида большая.

Евдокеюшку — смиренницу хорошо бы послать.

Старшая она между сестрицами и съ царицей у нея неладовъ не было. Всѣмъ хороша Евдокеюшка для посылки, да въ одномъ у ней недостатокъ. Не рѣчиста больно. Слово вымолвить, за другимъ въ карманъ идетъ. Пока достаетъ, о чемъ рѣчь завела — позабудетъ.

Марѳа съ Софьюшкой много рѣчистѣе. Софья особенно. Но ихъ лучше съ мачихой не сводить. Не ладятъ онѣ съ ней. Катериночка тоже во-время смолчать не умѣетъ. Вотъ развѣ еще Марьюшка...

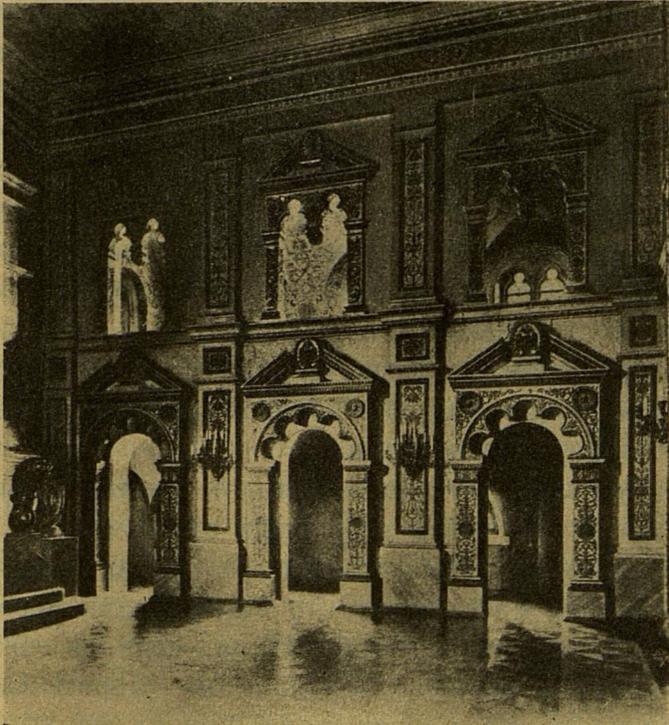
И въ ту самую минуту, какъ на Марьюшкѣ остановились, Ѳедосьюшка въ садъ пришла. Не успѣла царевна ротъ раскрыть, чтобы сестрицамъ про походъ рассказать, какъ всѣ заразъ, въ одинъ голосъ на встрѣчу ей:

— Ѳедосьюшка къ царицѣ пойдетъ!

На Ѳедосьюшкѣ всѣ сразу порѣшили. Ее Наталья Кирилловна любитъ. Еще на дняхъ говорила, чтобы Ѳедосьюшка къ ней почаще въ покои хаживала. Дѣтки царицыны ждутъ не дождутся, чтобы царевна съ ними позабавилась.

Отправили къ царицѣ Ѳедосьюшку.

Скорехонько, руками привычными, обрядила мама свою царевну для выхода. Повязку Ѳедосьюшкину дѣвичью—вѣнецъ, шитый жемчугомъ—на головѣ поправила, тяжелый косникъ—на концѣ косы подвѣску треугольную изъ каменьевъ

Сѣни теремовъ.

цвѣтныхъ—подергала, посмотрѣла крѣпко ли вплетено и, какъ всегда, не удержалась, сказала:

— Эхъ, коса то у тебя, царевна, тихо растеть. Коснику, почитай что, держаться не въ чемъ.

Поохала мама, лѣтникъ царевнѣ выходной черезъ голову

продѣвая, что и шея то у Федосьюшки больно тонка и плечи подь оплечьями, каменьями зашитыми, точно гнутся.

— Мнѣ бы поскорѣй, мамушка. Сестрицы да тетушки меня въ саду дожидаются, — остановила ее царевна и отстранила рукой ларецъ уборный, который поднесла ей Дарья Силишна.

— Для свѣтлости личико бы подбѣлила, да румянца бы подбавила...—попыталась уговорить мама.—Бровки бы подсурмила...

— Не люблю я этого. Будетъ того, что ты мнѣ утромъ на лицо навела.

Вышла царевна съ мамой въ сѣни свѣтлыя, просторныя. Сѣнныя дѣвушки царевенъ съ лавокъ повскакали, длиннымъ рядомъ выстроились. Впереди ихъ карлицы въ лазоревыхъ кофточкахъ стали, дурки, шутихи впередъ протиснулись.

Всѣ, кромѣ Федосьюшкиныхъ двухъ боярышень-подружекъ и ея собственныхъ сѣнныхъ дѣвушекъ, на мѣстѣ остались, а ея, царевнины, парами степенно къ дверямъ тронулись. Впереди ихъ стольники, дѣти боярскіе подростки лѣтъ 10—12 двери отворять заспѣшили.

Кабы своя воля у Федосьюшки, въ мигъ единый она бы у царицы была. Да развѣ сговоришь съ мамой.

Дарья Силишна, какъ только въ сѣни выйдетъ, такую важность на себя напуститъ, что ногами едва переступаетъ.

Шестой Алексѣевны мама! Птица, если разобратъся, не велика, а глянуть сѣнныя дѣвушки на Дарью Силишну и такъ же низко ей, какъ боярынямъ при старшихъ бѣльшихъ царевнахъ, кланяются.

Идетъ Дарья Силишна, голову въ кикъ золотой назадъ откинула, глазами словно ни на что и не глядитъ, а все видитъ.

— Ширинку повыше подыми! Вошвой полъ заметаешь. Да не торопись, государыня царевна,—шепоткомъ говоритъ мама.—Дай время стольникамъ двери то распахнуть.

И бѣгутъ впереди стольники въ голубыхъ съ серебромъ кафтанахъ, бѣгутъ вдоль сѣней просторныхъ, свѣтлыхъ, гдѣ праздниками царевны хороводы водятъ, да на качеляхъ качаются, распахиваютъ двери расписныя, взбѣгаютъ на лѣсенки съ точеными перильцами, переходами и переходцами, выводятъ Ѳедосьюшку съ мамой, съ боярышнями и сѣнными дѣвушками въ сѣни царицыны.

Тѣсно въ государыниныхъ сѣняхъ. Дѣвушки сѣнныя, словно пичуги на вѣточкѣ, рядышкомъ по стѣнкамъ стоятъ, верховыя царицыны боярыни важныя въ тяжелыхъ нарядахъ, отъ жары разомлѣвшія, по лавкамъ сидятъ. Заснули бы съ жары и духоты, кабы не карлицы, дурки, арапки, калмычки, да шутихи—утѣхи всedневныя.

Маринкѣ, главной шутихѣ, новой мѣди на шумихи къ красной кикѣ выдали. Мечется Маринка по сѣнямъ, шумихами звонъ подымаетъ. Подбѣжить то къ тому, то къ другому. Подъ самымъ носомъ важной боярыни пальцами щелкнула. Вздрогнула боярыня, а Маринка уже на другомъ концѣ штуки строить. А вотъ и съ самой Маринкой штуку соорили. Карлица Пелагейка злющая ей подножку подставила. Грохнулась на землю Маринка, кика съ шумихами въ сторону отлетѣла. Захотали боярыни, боярышни, дѣвушки сѣнныя. Поднялась шутиха, кикку схватила и бросилась за Пелагейкой, Пелагейка отъ нея, Маринка за ней. Обѣ визжать. Царевну Ѳедосьюшку чуть съ ногъ не сбили. Обѣ ей подъ ноги подкатились.

— Ой, прости, государыня-царевна! — первая Маринка опомнилась.—Отъ Пелагейки злющей житья нѣтъ. Заступись, Ѳедосья Алексѣевна.

— Маринку сдѣлай милость уйми, государыня-царевна, — визжитъ Пелагейка.

— Дорогу царевнѣ,—прикрикнула на нихъ Дарья Си-

лишна.— Не задерживайте. Къ государынѣ-царицѣ поспѣшаемъ.

И низко склонивъ рогатую кикю предъ царицыной верховой боярыней, которой чередъ нынче къ государынѣ съ докладомъ итти, сказала:

— Государыня-царевна Федосья Алексѣевна бьетъ челомъ государынѣ-царицѣ Наталіи Кирилловнѣ дозволить ей, царевнѣ, предстать предъ царскія очи пресвѣтлыя.

Наталья Кирилловна въ ту пору у годовалой своей младшей дочери Федорушки сидѣла. Туда къ ней и двухлѣтнюю царевну Натальюшку мама въ колясочкѣ катальной привезла.

Вошла въ дѣтскій покой Федосьюшка, а царица подняла голову, склоненную надъ колыбелью, червчатымъ бархатомъ обитою, и говоритъ:

— Нынче Федорушка у насъ, слава Богу, веселѣе стала. Зубокъ у нея прорѣзался.

И отъ свѣтлой улыбки лицо государыни еще краше сдѣлалось.

А маленькая Натальюшка, завидѣвъ Федосьюшку, сестрицу любимую, къ ней такъ потянулась, что еслибы мама не подхватила—вывалилась бы изъ своей колясочки царевна.

— Не зашиблась ли?—обезпокоилась Федосьюшка. А Наталья Кирилловна сказала:

— Видишь, какъ любя ты ей, Федосьюшка. Ужъ не откажи, сдѣлай милость, позабавь сестрицу.

— По дѣлу я къ тебѣ, государыня-матушка,—начала было Федосьюшка, но дальше слова молвить не успѣла.

Словно вихремъ, распахнуло двери, и въ горницу вбѣжалъ кудрявый черноглазый мальчикъ въ атласномъ красномъ кафтанчикѣ, а за нимъ въ догонку запыхавшаяся мама и двѣ боярыни.

— Матушка,—запыхавшись отъ бѣга и волненія, бросился

С. П. КАРТОВ.

Въ горницу вбѣжалъ кудрявый черноглазый мальчикъ.

царевичъ къ матери,—онѣ сказываютъ, что я завтра въ колымагѣ поѣду. Не хочу въ колымагѣ! Въ золотой каретѣ, что мнѣ Сергѣичъ подарилъ, поѣду и на лошадакахъ пигмейныхъ.

Мальчикъ, прильнувъ къ матери, гнѣвно сверкавшими глазами поглядывалъ на смущенныхъ боярынь.

— Пытали мы всячески уговаривать царевича,—оправдывалась мама.— Не слушаетъ.

— Палочки барабанныя почитай все переломаль,—встала одна изъ боярынь.

— Кубарики по горницѣ расшвырялъ,.. Лошадку катальную опрокинулъ,—добавила другая.

— Въ золоченой каретѣ на пигмейныхъ лошадакахъ поѣду,—упрямо повторилъ мальчикъ.

— А ты, государыня, про колымагу сказывала,—встала мама.— Скажи сама ему, государыня. Намъ онъ не вѣритъ.

Обхватила Наталья Кирилловна обѣими руками сына любимаго, въ глаза ему заглянула, кудри рукой со лба отвела и тихо ласково молвила:

— Въ золоченой каретѣ на пигмейныхъ лошадакахъ ты, Петрушенька, осенью въ обитель поѣдешь. Тогда и батюшка-государь съ нами богомольнымъ походомъ пойдетъ.

— Нынче хочу въ золоченой каретѣ!—вырываясь изъ рукъ, закричалъ мальчикъ.

Но Наталья Кирилловна удержала его.

— Скучно мнѣ безъ тебя ѣхать будетъ, сынокъ мой любимый. Путь долгимъ покажется. Посиди ужъ нынче со мной въ колымагѣ, Петрушенька.

Сразу стихъ царевичъ.

— По твоему пускай будетъ, матушка. Колымаги больно не люблю, а перечить тебѣ не хочу. Ужъ поѣду.

— Ну, Слава Тебѣ Господи, обошлесь!—тихонечко мол-

вила съ облегченіемъ мама боярынямъ и стала звать царевича обратно въ его покой.

— Назадъ пойдѣмъ теперь, царевичъ-батюшка, мы тебѣ карловъ кликнемъ, шутовъ позовемъ, пускай кувыркаются. Въ барабаны потрещимъ. То-то веселье у насъ будетъ. Пойдемъ скорѣе, батюшка.

— Нѣтъ, я здѣсь у матушки останусь. Она шкатулочку съ „Раемъ“ покажетъ. Покажи матушка, пускай и сестрица Федосьюшка съ нами поглядитъ.

Увидала тутъ царевна, что дальше ей съ просьбой медлить нельзя и заторопилась все сразу Наталья Кирилловнѣ объяснить. Сказала, что и сестрицамъ и теткамъ—всѣмъ охота большая съ царицей на богомольѣ побывать.

— Послали онѣ меня согласья твоего, государыня-матушка, попросить. Какъ скажешь, такъ то и будетъ.

Не сразу отвѣтила Федосьюшкѣ Наталья Кирилловна. Темныя кольца сыновихъ кудрей пальцами перебирая, раздумывала она, какъ ей быть.

Отказать—весь теремъ обидѣтъ. Согласиться—съ тихостью, въ которой душа отдыхаетъ,—проститься. Хотѣлось на этотъ разъ государынѣ безъ царевенъ уѣхать. Не приходится.

— Скажи ббольшимъ и мѣньшимъ царевнамъ, Федосьюшка, что спѣхомъ собралась я въ обитель. Думала, хлопотливо будетъ теремамъ за мной послѣдовать. Оттого о походѣ и не объявляла.

Еще самую малость позадержалась государыня.

„Отказать нельзя. Обида большая. Вернешься съ похода богомольнаго—не угомонишь теремъ“.

И, принявъ рѣшенье уже твердое, такъ кончила государыня:

— Ежели хотѣнье имѣють помолиться, я этому дѣлу,

Богу угодному, не противница, пускай поспѣшаютъ, собираются. Завтра утречкомъ на зарѣ и выѣдемъ.

Не пришлось на этотъ разъ царевичу съ Федосьюшкой „Рай“ въ шкатулочкѣ поглядѣть, не пришлось и Натальюшкѣ съ сестрицей любимой позабавиться. Заторопилась царевна. Не посмотрѣла даже на слезы Натальюшкины—чуть бѣгомъ не убѣжала, сестрицъ съ тетками оповѣстить заспѣшила.

Словно въ ульѣ передъ роеньемъ, загудѣлъ царскій теремъ.

Кройчія, ларечницы, постельницы, мовницы (прачки)—всѣ на ноги встали. Казначей заспѣшили къ царицыной мастерской палатѣ, сундуки, коробья, ларцы отпирать. Бѣзовое да выходное парадное платьѣ всѣхъ царевенъ за ихъ печатями тамъ хранилось. Распечатывали сундуки кипарисовые, гдѣ отъ всякой порчи, заговора и наговора бѣлье береглось. Лекарки домашнія снадобья всякія на случай хвори неожиданной припасали.

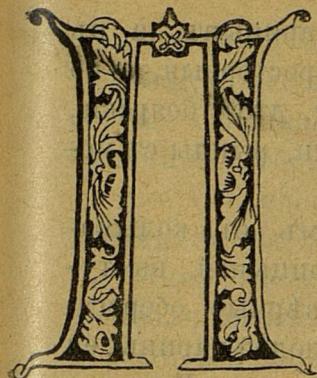
А въ кухонныхъ избахъ, въ подвалахъ, въ кладовыхъ ночь цѣлую челядь глазъ не сомкнула. Тамъ въ путь дорогу съѣстное всякое, да питье разное набирали. Не для одного царскаго стола припасовъ требовалось. Цѣлые возы съ рыбой отборной и свѣжей и соленой, боченки съ икрой, кадушки съ медомъ царица въ даръ обители съ собой повезетъ.

Ночь наступила. И на Спасскихъ и на Тайницкихъ и на Троицкихъ воротахъ въ каменной стѣнѣ вокругъ Кремля часы съ музыкой давно отбиваютъ ночные часы.

А Федосьюшка все заснуть не можетъ. Все къ окошку бѣгаетъ. Красно ли на утро то будетъ? А вдругъ да гроза! Въ грозу царь-батюшка ни зачто не отпуститъ.

Хочется царевнѣ взглянуть, чисто ли небо звѣздное.

Комнатный садъ не даетъ. Окна Федосьюшкины всѣ до одного туда глядятъ, а въ саду стѣнка высокая, каменная.

П.

О БОЛЬШОЙ столбовой дорогѣ, что идетъ отъ Москвы къ Троицѣ, потянулся царицынъ поѣздъ.

Открываютъ его стрѣльцы съ батогами, за ними скороходы съ бичами, чтобы путь расчищать. За скороходами огромная колымага царицына, по золоту разными красками расписанная. За нею опять стрѣльцы да столъники для обереженья, за ними колымага съ царевнами бѣльшими, потомъ колымага съ царевнами мѣньшими, а дальше колымаги съ боярынями, съ боярышнями, съ кормилицами, съ сѣнными дѣвухами и съ разной другой женской челядью.

За колымагами отрядъ съ казной шатерной и столовой. Здѣсь и укладничій, и шатерничій, и столъники, и подъячїе, и ключники, и подключники, и истопники. За ними возки съ верхами суконными, коронами украшенными. Въ одномъ изъ возковъ постели путныя, въ другихъ платье, бѣлье и разная мелочь походная вмѣстѣ со столами разъемными и стульями разгибными.

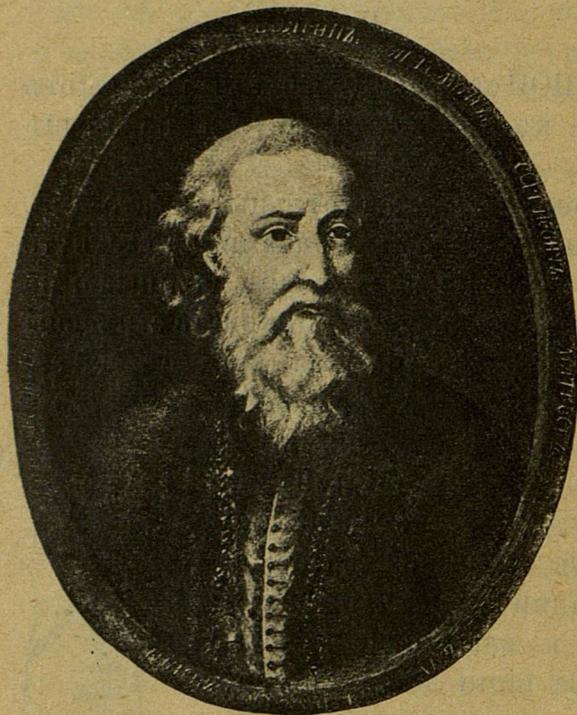
Позади всего поѣзда „телѣга поборная“. Въ нее складываютъ покупки, дары, которыми царицѣ народъ челомъ бьетъ и всѣ челобитныя, что ей по пути подаютъ.

Рядомъ съ телѣгой старшїй дьякъ царицына приказа шагаетъ. Онъ челобитныя отбираетъ, счетъ имъ ведетъ.

Рында.

Далеко въ длину вытянулся поѣздъ царицынъ, а въ ширину дороги ему не хватило. Колымаги просторныя, а по сторонамъ ихъ пѣшими идутъ бояре ближніе, дѣти боярскіе, стольники, рынды съ мечами.

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Рядомъ съ колымагой царицыной выступаютъ вѣрные оберегатели молодой царицы, ея рѣдный батюшка Кирилль Полуэктовичъ Нарышкинъ съ дядею Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ. Оба въ кафтаныхъ золотныхъ, на обѣихъ оплечья и шапки камнями самоцвѣтными распиты. У грузнаго Кириллы Полуэктовича дорожный посохъ сандалянаго дерева при каждомъ шагѣ золоченымъ остриемъ глубоко въ сухую

землю уходитъ. Матвѣеву—тому полегче. Толщины на немъ боярской нѣтъ, да и къ ходьбѣ онъ привычнѣе. Заграницей бывалъ Артамонъ Сергѣевичъ, тамъ ходить научился.

— Сергѣичъ! — вдругъ крикнулъ царевичъ Петръ, проворно откинулъ персидскую камку съ колымажнаго окна и застучалъ пальцемъ по слюдѣ, расписанной травами и розанами.

Быстро обернулся Артамонъ Сергѣевичъ на голосъ лю-

бимца своего балованнаго, но еще быстрѣе одна изъ мамушекъ отъ окошка царевича оттащила, а другая мамушка погуще складками занавѣску на томъ мѣстѣ, гдѣ выглянулъ мальчикъ, собрала.

— Селомъ какъ разъ ѣдемъ. Ахъ, грѣхъ то какой! Не доглядѣла ты, мама,—съ укоромъ сказала бабушка.

Анна Леонтьевна, царицына мать, сидѣла рядомъ съ дочерью, сложивъ на колѣняхъ пухлыя бѣлыя руки.

Съ той поры, какъ дочь сдѣлалась царицей, эти когда-то проворныя руки, которыми Анна Леонтьевна работала и въ домѣ, и въ саду, и на огородѣ, теперь только надѣвали да снимали дорогіе перстни. За четыре года сухая хлопотунья Анна Леонтьевна стала толстой, важной, важнѣе самой царицы. И боялись ея всѣ боярыни больше, чѣмъ Наталью Кирилловну. Каждая, на перерывѣ, ей чѣмъ-нибудь да угодить старалась.

Послѣ словъ ея къ мамушкѣ всѣ боярыни, что на атласныхъ тюфякахъ подъ росписными розами, репьями да птицами сидѣли, всѣ до одной испуганныя лица сдѣлали, головами закачали, заахали:

— Ты, мама, въ оба глядѣть должна. Мало ли по дорогѣ прохожихъ, да съ глазомъ лихимъ. Глянуть и вся недолга—испортили.

— Вотъ Федорушку тоже на дняхъ...

— Съ Натальюшкой то что было...

А царевичъ все крутился въ маминыхъ рукахъ и, покрывая женскую трескотню, звонкимъ голосомъ требовалъ какихъ-то калачиковъ.

— Повремените малость,—сказала царица, и разомъ все стихло.

— Тебѣ, Петрушенька, чего?—наклонилась она къ сыну.

Разобрали, и оказалось, что царевичъ, выглянувъ изъ окошка, разглядѣлъ, какъ на торгу продавали какіе-то калачики.

— Будь по твоему, сынокъ. Купимъ калачиковъ.

Остановили весь поѣздъ царицынъ.

Казначея изъ мѣшка дьяку на покупку денегъ отпустила. Приказала сходить за калачиками, да прихватить за одно-всего, что на торгу приглянется.

Пока дьякъ ходилъ, царица дѣтокъ рядышкомъ посадила, а Ѳедосьюшку, для уговора ребячьяго въ царицыну колымагу взятую, возлѣ съ царевичемъ Петромъ пристроили.

Примолкли ребятки. Что имъ съ торгу дьякъ принесетъ, дожидаются. Натальюшка калачики любитъ. Такъ вся къ дверцамъ и подалась, ихъ дожидаячи. А царевичъ Петръ шепчетъ Ѳедосьюшкѣ:

— Эхъ, самому бы сбѣгать, да выбрать...

Только царевичу Ивану словно все—все равно. Пересидели его—пересѣлъ. На новомъ мѣстѣ, какъ и на старомъ сидитъ—не шевельнется. Глаза опустилъ. Пуговики золоченыя на своемъ кафтанчикѣ атласа желтаго перебираетъ.

— Или тебѣ калачиковъ не хочется?—спрашиваетъ его мачиха и, не дождавшись отвѣта, обращается къ матери:

— Надобно бы мнѣ тебя, матушка, послушаться. Хорошо было бы и Ѳедорушку захватить...

— Другимъ разомъ и Ѳедорушку возьмемъ, — говоритъ Анна Леонтьевна. — Что дьякъ то замѣшкался? Гляньте ка, боярыни, не идетъ ли?

Но вмѣсто дьяка изъ села народъ привалилъ. Какъ увидѣли люди, что остановился поѣздъ, всѣ на дорогу бросились.

А по колымагамъ тревога:

— Государыни-царевны, отъ окошекъ отстранитесь. Занавѣску плотнѣе, мамушка, сдвинь! Вдругъ, да увидятъ!

Заработали стрѣльцы и скороходы батогами да бичами. Ничего не помогаетъ. Народъ къ золоченымъ колымагамъ, какъ рѣка, бѣжитъ. Всякій, что успѣлъ, чего Богъ послалъ съ собой прихватилъ. Не съ пустыми руками бѣгутъ люди къ царицѣ. Приказали царицынъ батюшка и дядя людей къ колымагѣ государыниной допустить.

Приняла казначея пироги пряженые, блинки горячіе, квасъ, медъ, брагу холодненькую. Иное со стольниками въ поборную телѣгу отослала, а иное по колымагамъ разнести велѣла.

Прежде чѣмъ дьякъ съ торгу поспѣлъ, царевичи и царевны блинками закусили, кваскомъ запили. Калачики ужъ не такъ вкусны показались. Больше радовались братинкамъ, да ложкамъ расписнымъ, коникамъ деревяннымъ, да рѣпкѣ съ морковью, которыхъ дьякъ прихватить догадался.

Забавлялись малые. Тѣ, кто постарше, на нихъ гляючи, утѣшались, а колымага свое дѣло дѣлала. Огромная, желѣзомъ обитая, красныя съ золотомъ колеса, не торопясь, поворачивала, на ухабахъ подскакивала.

На спѣхъ собралась государыня. Не успѣли для ея проѣзда царскаго, какъ полагалось, дорогу починить. Въ одномъ мѣстѣ чуть совсѣмъ на бокъ не завалилась колымага. У царевича Петра отъ толчка шапочка съ головы скатилась. Толстую казначею за руки поднимать пришлось.

Въ другомъ мѣстѣ, какъ черезъ рѣчку ѣхали, мостъ такой попался, что, благословясь, бродомъ пошли.

А какъ ухнули въ рѣчку колеса, какъ забурлила вода, какъ ударили брызги въ слюдяныя оконца — не удержали малыхъ старшія.

Занавѣска на сторону, оконца настезъ — всѣ головы наружу.

Кричатъ дѣти, пищатъ. Колеса по водѣ шлепаютъ. Ма-
мушки да боярыни охаютъ. Изъ колымаги, гдѣ царевны-се-
стрицы сидятъ, тоже визги слышатся.

У царевичей и царевенъ щеки отъ брызгъ мокрыя. Ца-
ревичу Петру воротъ смочило. Вытирать не даетъ.

— Не надо!—кричитъ.

Едва проѣхали, по мѣстамъ, гдѣ имъ сидѣть полагалось,
дѣтей разсадили. Затихли на время малые. Да не на долго.

— Ой, и жарко же!—пожаловалась Ѳедосьюшка, а за ней
и всѣ распищались: „Жарко, жарко“! Взглянула на дѣтей
сама раскраснѣвшаяся отъ духоты Наталья Кирилловна, а
они всѣ, точно пичуги заморенныя, рты пораскрывали, гла-
зами чуть смотрятъ.

— Гдѣ ѣдемъ?—спросила Наталья Кирилловна боярыню,
что поближе къ оконцу сидѣла.

Вздрогнула задремавшая боярыня, но раньше, чѣмъ успѣла
разобрать, что ей сказали, другая уже за нее отвѣтила:

— Полями, государыня-царица. По одну сторону поля,
лѣсъ—по другую.

— Отними запону. Окошко пріоткрой, Матрена Василь-
евна,—распорядилась Наталья Кирилловна.

Зазвенѣли колечки серебряныя по желтому шелковому
шнуру, протянутому вдоль всей колымаги.

Распахнулось маленькое окошко въ красоту великаго
міра Божьяго.

Встрепенулась Ѳедосьюшка. Насторожилась, словно птица
пойманная, когда ее съ клѣткой вдругъ да на чистый воз-
духъ вынесутъ. И какъ птица въ клѣткѣ по жердочкамъ,
такъ отъ одного окошечка къ другому стала переметываться
царевна.

Съ одной стороны колымаги поля зрѣющія. Клонить тя-

желый, желтый уже колось, подь легкимъ вѣтеркомъ, рожь усатая. Съ другой стороны темной стѣной всталъ густой боръ, голубое небо безоблачное и солнце заслонившій. Только кое-гдѣ, сквозь листву, золотые лучи прорвались и зелеными зайчиками по лицамъ и одеждамъ забѣгали.

— Государыня матушка, дозволю слазку сдѣлать, — взмолилась Федосьюшка.

А Наталья Кирилловна и сама уже про слазку думала.

— Останови поѣздъ, Матрена Васильевна, — приказала она казначеѣ.

Стрѣльцовъ, рындъ, ключниковъ, подключниковъ со всею челядью мужской подальше угнали и, словно орѣхи изъ кузова, выкатились изъ колымагъ всѣ, кто на золоченыхъ да на атласныхъ подушкахъ сидѣлъ. Выкатились кто въ сторону полей, а кто къ лѣсу поближе. Выкатились и стали.

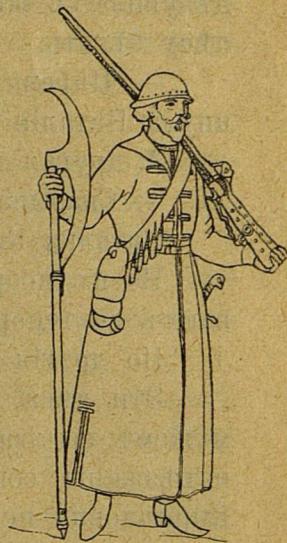
Съ непривычки да послѣ колымаги Божій свѣтъ ужъ очень просторенъ показался.

Первой царевна Софья въ себя пришла.

Шагнула впередъ своей поступью тяжелой, увѣренной, и за нею всѣ Алексѣевны тронулись, а за царевнами ихъ боярыни, боярышни заспѣшили. Сѣнные дѣвушки солнечники надъ царевнами пораскинули. Михайловны такъ въ колымагѣ и остались.

Ирина Михайловна сестеръ не пустила. Сказала, что раньше Тайнинскаго слазки никогда не бывало, а разгуливать въ поляхъ и лѣсахъ, на богомолье собравшись, совсѣмъ не дѣло.

Федосьюшка сразу на ту сторону, гдѣ лѣсъ, перебѣжала. Тамъ царица съ дѣтками шла.

Стрѣлецъ.

— Дозволь, государыня-матушка, ягодокъ понабрать.

— Чего же не поискать? Ищите. Только поближе къ до-
рогѣ держитесь. Звѣрь либо человѣкъ лихой не наскочилъ бы.

А царевнамъ и говорить нечего, чтобы въ чашу не заби-
рались. На каблучкахъ высокихъ далеко не уйдешь. Сѣнныя
дѣвушки тѣ живо разулись, а царевнамъ не гоже босыми по
лѣсу бѣгать.

— Царевны бѣльшія такъ въ колымагѣ и сидятъ,—ше-
пнула Наталіи Кирилловнѣ мама съ Натальюшкой на рукахъ.

А другая мама, съ царевичемъ Петромъ, прибавила:

— Сказываютъ, не по обычаю, будто, нынче слазку дѣлаютъ.
Наталья Кирилловна чуть поморщилась.

Не къ добру остались зѣловки въ колымагѣ. Пересужи-
ваютъ ее теперь, что не по положенью она сдѣлала.

Но другія мысли посылаетъ лѣсъ Натальѣ Кирилловнѣ.

Эти лѣса до самаго села Тайнинскаго вдоль и поперекъ
мужемъ ея любимымъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ,
извѣзжены, соколиной охотой онъ здѣсь тѣшилъ. И Наталью
Кирилловну не разъ съ собой на охоту, противъ обычая, бралъ.
Тогда тоже зѣловки гнѣвались. Но не печалилъ молодую
царицу ихъ гнѣвъ: за охоту соколиную все стерпѣть можно.

Не даромъ самъ царь въ правилахъ этой охоты напи-
салъ: „Красносмотрителень и радостень высокогаго сокола
леть... Забавляйтесь и утѣшайтесь сею доброю потѣхою, да
не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія“.

И взгрустнулось Наталіи Кирилловнѣ, когда подумала она,
что давно забросилъ царь свою забаву любимую. Съ той поры,
какъ сибирскаго славнаго кречета Гамаюна въ рощахъ Со-
кольничьихъ государь попробовалъ, ничего объ охотѣ не
слышно. И когда охота будетъ, про то не вѣдомо, и что за
причина тому такая—никто не знаетъ.

Только сердце вѣщунъ неспокойное словно бѣду чуетъ, когда царица объ охотѣ раздумается.

Ужъ здоровъ ли самъ ея соколъ ясный, царь-государь Алексѣй Михайловичъ?

Пробовала царица съ матушой про тревогу свою говорить, заговаривала и съ батюшкой и съ другомъ вѣрнымъ Матвѣевымъ—все въ одинъ голосъ завѣряютъ ее, что въ добромъ здравіи царь-батюшка.

А царицѣ все что-то не вѣрится.

— Изъ Тайнинскаго гонца со здоровьемъ къ царю послать надобно, Сергѣичъ,—говоритъ она подошедшему Матвѣеву.—Какъ-то онъ тамъ въ Москвѣ съ Федоружкой?..

Заглянулъ Артамонъ Сергѣевичъ въ лицо любимой племянницы. Въ рамкѣ бѣлаго расшитаго золотомъ и жемчугомъ дорожнаго убруса оно ему печальнымъ показалось.

— Заскучала, государыня?—ласково улыбаясь, сказалъ онъ.—Вотъ, дай намъ малость съ Петрушей пѣшими пройтись. А тамъ живо и до Тайнинскаго доберемся.

Идутъ, лѣсными и полевыми запахами обвѣянные, по тропѣ, что рядомъ съ большой дорогой стелется, царица съ царевнами и царевичами. За ними мамы, боярыни, боярышни, сѣнныя дѣвушки.

Царевна Федосьюшка съ гушины лѣсной глазъ отвести не можетъ. Манить ее сумракъ душистый.

А царица торопитъ:

— Въ Тайнинское пора,—говоритъ.—Къ обѣду намъ поспѣть туда надобно.

Едва успѣла Федосьюшка съ дороги лиловыхъ да красныхъ цвѣтиковъ съ собой въ колымагу прихватить. Царевны Катеринушка съ Марьюшкой цѣлую охапку васильковъ натащили.

Вѣнки станемъ плести!—кричатъ.

Поѣхали.

Возлѣ села Тайнинскаго на полянѣ раскинутые шатры алаго сукна богомольцевъ дожидались. Въ высланной сюда еще ночью поварнѣ давно обѣдъ поспѣлъ.

Прежде чѣмъ, за столъ сѣсть, государыня стольника къ царю со здоровьемъ послала. А какъ кушать сѣли, въ ту самую пору изъ Москвы гонецъ отъ государя поспѣлъ.

— Государь съ наслѣдникомъ и съ царевной въ полномъ добромъ здравіи,—оповѣстилъ онъ.—Спрашиваетъ царь, въ добромъ ли здоровьи государыня свое богомолье свершаетъ?

Радостная, успокоенная сѣла за обѣденный столъ Наталья Кирилловна.

Послѣ обѣда не сразу въ путь тронулись.

Отдыхать во всѣхъ шатрахъ полегли. А какъ поднялись, жара къ тому времени спала. По вечерней прохладѣ поѣхали.

Думали ѣхать сразу, не мѣшкая, а черезъ версту, у самаго села, постоять пришлось.

Народъ дорогу запрудилъ.

Пытали стрѣльцы да скороходы батогами, бичами работать, чтобы задержки не было. Да государыня не приказала.

Остановились колымаги.

Пораздвинули пальцы, перстеньками унизанные, по окошкамъ камку персидскую. Любопытные дѣвичьи глаза глянули въ міръ невѣдомый.

Запыленные, обгорѣлыя лица, мозолистыя корявыя руки, одежды холстинныя да сермяжныя... Кто на колѣняхъ, кто совсѣмъ на землѣ, сѣрой отъ пыли, сѣрымъ комкомъ лежитъ, а тотъ, кто стоитъ, только потому на ногахъ удержался, что послѣдней догадки передъ золоченой колымагой лишился.

Такого хоть на смерть бичемъ забей—съ мѣста не тронется.

Попикъ тощенькій съ матушкой въ тѣлогрѣѣ заплатаанной

да съ дочкой косенькой, въ алый сарафанъ принаряженной, впередъ къ самой колымагѣ протиснулся. Самъ попикъ съ бражкой, попадья съ блинками, дочка съ медомъ сотовымъ. Всѣ трое до земли кланяются, дары къ колымагѣ, львами да орлами по золоту расписанной, протягиваютъ.

Разглядѣла ихъ черезъ занавѣсочку Наталья Кирилловна и приказала дары принять, а попу съ семействомъ выдать по рублю на человѣка.

— Тамъ ихъ много съ дарами... Есть и съ челобитными, которые...—шепчетъ взволнованная Ѳедосьюшка.—Старики... старухи... дѣтей много...

— Всѣхъ деньгами одѣлили, Матрена Васильевна,—приказываетъ государыня казначеѣ.—Кому копейку, кому алтынъ. Никого не обижай. Дѣтямъ по грошику. Дары въ поборную телѣгу складывайте. А челобитныя пускай дьякъ всѣ до одной обереть.

Дары съ челобитными обобрали. Дальше поѣхали. Путь отъ Тайнинскаго полями пошелъ.

Лентой, закатнымъ солнцемъ расцвѣченной, вилась на просторѣ рѣка Яуза. Звенѣли жаворонки. Ласточки острыми крыльями траву чиркали. Сильнѣе запахло цвѣтами, спѣлой рожью. Откуда-то издали пѣсня донеслась, а кругомъ—безлюдье: одни поля золотыя. Гдѣ-то рожь ужъ зажинаютъ.

— Жнецы съ поля пошли,—прислушавшись, сказала Наталья Кирилловна и, помолчавъ, прибавила:

— Ночь тихая, теплая подходитъ. Въ патріаршихъ палатахъ въ Пушкинѣ душно будетъ. Въ шатрахъ заночевать бы.

— Въ шатрахъ, въ шатрахъ!—подхватилъ царевичъ Петръ.

— Петрушеньку намъ не застудить бы,—опасливо молвила Анна Леонтьевна. Пуховики въ патріаршихъ палатахъ были ей больше по вкусу раскидной путной кровати.

— Спаси Господи! Долго ли! Да вдругъ дождикъ,—хоромъ поддержали ее боярыни.

— Въ шатрахъ!—еще громче крикнулъ царевичъ и даже кулачкомъ пристукнулъ.

А Федосьюшка шепоткомъ тоже въ шатры просится.

Рѣшила Наталья Кирилловна въ шатрахъ заночевать.

Совсѣмъ стемнѣло, когда колымаги остановились у шатровъ, освѣщенныхъ изнутри слюдяными фонарями.

Усѣлась царица съ царевнами на раздвижныхъ стульяхъ за накрытыми уже раскидными столами, и забѣгали столъники между столовымъ и кухоннымъ шатромъ съ блюдами, супниками, соусниками и жбанами.

— Петруша то спитъ совсѣмъ,—сказала Федосьюшка.

— Заснулъ, заснулъ царевичъ-батюшка. Ну - ка я его въ постельку положу...—И мама бережно поднимаетъ царевича и, осторожно ступая, выходитъ изъ столоваго шатра. За ней поднимается мама съ Иванушкой, за ними встаетъ царица, а за царицей поднимаются и всѣ.

Тихая теплая ночь смотритъ золотыми очами-звѣздами на затихшій царицынъ станъ. Кольцомъ опоясали его стражи, вѣрные стрѣльцы съ ружьями, батогами, бичами. Возлѣ каждаго шатра рынды, подрынды, столъники, ключники, подключники стали.

— Мамушка, душно! Полу у шатра пооткинуть бы. Пускай бы къ намъ звѣзды глянули...—запросила Федосьюшка.

— А? Что?—встрепенулась уже засыпавшая Дарья Силишна.—Или чего испугалась, царевна?

— Душно, мамушка, жарко. На звѣзды поглядѣть охота. Ночнымъ воздухомъ прохладнымъ да душистымъ дохнуть бы.

— Ишь, что придумала! Забыла, что стража кругомъ поставлена?

— А ты бы имъ, мамушка, подальше отойти велѣла.

Отъ этихъ словъ царевниныхъ съ Дарьи Силишны сразу весь сонъ соскочилъ.

— Да никакъ ты ума, царевна, лишилась? Безъ стражи, да среди поля чистаго, да возлѣ лѣса темнаго? Да мало ли людей лихихъ по дорогамъ да безъ дорогъ вокругъ стана теперь бродить? Видѣла сколько народу незнамага у колымагъ собирается? Спи, царевна! Закрой глазки. Засни.

Закрыла глазки Ѳедосьюшка, и длиннымъ рядомъ потянулись предъ ней люди незнамые, отъ пыли сѣрые, люди въ холстинѣ да въ сермягѣ, люди въ лаптяхъ обтопанныхъ, да босые.

Открыла царевна глаза, люди кучкой стали. Незнамые люди, что по дорогамъ и безъ дорогъ ночью лѣтней душистой подъ звѣздами бродятъ, до самаго свѣта царевнѣ заснуть не дали.

Только вздремнула Ѳедосьюшка, а надъ ней уже мама съ полотенцемъ стоитъ.

— Росы я, царевна, съ цвѣтиковъ полевыхъ зарею на платъ собрала,—говорить Дарья Силишна, склонившись надъ разспавшейся Ѳедосьюшкой.—Дай я личико тебѣ оботру. Свѣтлость красотѣ умыванье росное придаетъ.

И чуть не силою вытерла мама влажнымъ полотномъ Ѳедосьюшкино лицо.

— Сразу зарозовѣла,—обрадовалась Дарья Силишна.—Личико-то тебѣ въ дорогѣ малость вѣтромъ обвѣяло. Ну, да ничего. Дома у меня на случай загара настой изъ дубоваго листа припасенъ.

Еще не высохла на поляхъ роса прохладная, когда царскія колымаги дальше въ путь тронулись.

Ѳедосьюшка приподнятую оконную занавѣску изъ рукъ не выпускаетъ.

Возлѣ Пушкина, какъ и вчера у Тайнинскаго, цѣлая туча незнамыхъ людей скопилась. И опять, какъ вчера, у кого челобитныя въ рукахъ, у кого дары.

Кланяется народъ, къ землѣ припадають люди, по долгу лежать на ней комьями сѣрыми, неподвижными.

— Матушка-государыня, стать прикажи, прикажи одѣлать деньгами,—безъ умолку повторяетъ Федосьюшка.

— Охъ, припоздаемъ къ вечернѣ,—вздыхаетъ на каждой остановкѣ царицына мать и, пока стоятъ, все хмурится и ворчитъ.

Опять за окошками колымажными потянулись поля, лѣса. Встрѣчныхъ людей, чѣмъ ближе къ лаврѣ, тѣмъ все больше. Богомольцевъ съ котомками за спиной, съ клюками дорожными оставляетъ за собой поѣздъ. Нищіе, издали завидѣвъ стрѣльцовъ царицыныхъ, запѣвають:

Ужъ ты свѣтъ государыня,
Ты подай намъ милостыню спасенную,
Ради Христа, Царя Небеснаго,
Ради Матери Божьей Богородицы,
Ради Святителя Чудотворца Сергія.

Кончатъ и опять сначала запѣвають. Кланяются и поютъ. Покраснѣвшими отъ пыли и солнца глазами глядятъ въ окошки, наскоро задернутыя камкой персидской, а мимо нихъ, обдавая пылью дорожною, красныя съ золотомъ переворачиваются грузныя колеса расписныхъ колымагъ.

Къ монастырю съ послѣдней стоянки, какъ вечерѣтъ стало, тронулись. До самой обители лѣсомъ, красными закатными лучами прорѣзаннымъ, ѣхать пришлось. Здѣсь, по краю дороги, почти непрерывной цѣпью народъ стоялъ.

Гонецъ съ вѣстью о пришествіи царицыномъ за день опередилъ поѣздъ, и все населеніе посада, всѣ нищіе, убогіе, безрукіе, безногіе, горбатые, юродивые и слѣпые двинулись

Кланяется народъ, къ землѣ припадають люди.

на встрѣчу царицѣ. Завидѣвъ поѣздъ, земно кланялись расписнымъ колымагамъ со слѣпыми окнами и громко, на распѣвъ, выкрикивали свои моленія, раскачиваясь, на одинъ голосъ пѣли заунывные стихи. Пѣли о Лазарѣ:

„Живаль себѣ славенъ на вольномъ свѣту.
Пиваль, ѣдаль сладко, носиль хорошо,
Дорогія одежды богатъ надѣваль,
Милостыню Божью богатъ не даваль...“

О страшномъ судѣ пѣли:

„Спустился на землю судья праведный,
Михаилъ Архангелъ, свѣтъ.
Съ полками онъ, съ херувимами,
Съ херувимами, съ серафимами,
Со всею онъ силою небесною,
И съ трубою онъ златокованной...“

Сразу Ѳедосьюшка приподнятый край занавѣски выпустила, когда взглядомъ встрѣтилась съ глазами незрячими. Жутко стало царевнѣ и отъ глазъ невидящихъ и отъ гула людского. Отошла, какъ, все покрывая, раздался изъ обители колокольный звонъ.

Во всю звонять колокола Троицкіе. Пропускаютъ, невидимыми руками широко распахнутыя ворота—золоченыя колымаги. Во дворѣ ни души. Всѣ, начиная съ самого игумена, въ кельи попрятались.

Старый обычай дѣдовскій даже монахамъ на дворцовыхъ затворницъ глядѣть не велить.

Одна за другой, прямо къ собору, направляются колымаги. Съ двухъ сторонъ дворецъ до входа церковнаго изъ алаго сукна переходъ слѣзали. Этимъ переходомъ царица съ царевичами и царевнами въ церковь на потайное мѣсто проходитъ. У царицы и царевенъ лица еще бѣлыми фатами изъ крымской кисеи принакрыты. Только въ церкви за запоной шелковой тѣ фаты откинулись.

Душистымъ ладаномъ пахнуть.

„Въ лѣсу, когда дорожкой, скользкой отъ опавшей хвои, шли, такъ пахло,“ вспомнилось вдругъ Федосьюшкѣ.

Въ синеватомъ кадилльномъ дыму мерцаютъ зажженные передъ образами свѣчи.

„Словно звѣзды, на которыя ночью изъ шатра поглядѣть хотѣлось,“ подумалось царевнѣ.

Подъ молитвенное пѣніе монашеское склоняются до земли, каждая со своимъ моленіемъ, всѣ теремныя затворницы.

Привѣтно встрѣтили гостей монастырскія келейки, освѣщенные восковыми свѣчами.

Пожинавъ постнымъ, сладко и крѣпко позаснули всѣ среди бревенчатахъ стѣнъ, пахнувшихъ деревомъ и смолкой.

Одной Натальи Кирилловнѣ не спалось.

Выждавъ, когда все успокоилось, среди ночи глубокой, поднялась царица. Съ матушкой, да съ двумя боярынями самыми ближними прошла въ соборъ государыня. Полену, ея руками за здравіе царя расшитую, на гробъ Чудотворца она положила и молилась въ соборѣ, пока въ колоколь къ заутренѣ не ударили.

А утромъ послѣ обѣдни, когда и народъ, и всѣ монахи до одного человѣка изъ собора повыходили, святительскимъ мощамъ кланялись царевны въ праздничныхъ лѣтникахъ бѣлаго атласа съ золотыми до земли рукавами-вошвами.

За царицей мамы царевичей въ золотныхъ кафтанчикахъ на рукахъ къ мощамъ поднесли.

Всѣмъ хотѣлось въ тихой обители, каменными зубчатыми стѣнами отъ міра отгороженной, хотя бы два денечка еще погостить, да Наталья Кирилловна на этотъ разъ неговорчива была.

Сама Ирина Михайловна просила ее съ поѣздомъ по-временить. Старшей царевнѣ отказала молодая царица. Ушла Ирина Михайловна изъ кельи Натальи Кирилловны до того разгнѣванная, что даже посоха своего дорожнаго дѣткамъ поглядѣть не дала.

А тѣ просили. Хотѣлось имъ поглядѣть трубку подзорную, въ рукояткѣ вставленную.

— Останемся, сестрицы, въ обители, да и все тутъ,— вдругъ предложила Софья-царевна.—Пускай царица себѣ ѣдетъ, а мы и однѣ проживемъ.

Царевны въ это время горячими блинками закусывали. Такъ у нихъ отъ этихъ словъ Софьюшкиныхъ блинки въ горлѣ стали.

— Какъ же это? Однѣмъ? Да развѣ такъ водится? Да когда же такъ бывало?

Смотрятъ царевны на Софьюшку во всеѣ глаза.

А она смѣется:

— Чего испугались? Останемся, да и вся недолга. Своей воли у насъ, что ли, нѣтъ?

А царевны въ отвѣтъ ей ни словечка. Наспѣхъ блин-ковъ проглотали, и какъ только колымага къ крыльцу подъѣхала, изъ кельи заторопились. Испугались, какъ бы Софьюшка ихъ въ обители не удержала.

До того заторопилась въ Москву Наталья Кирилловна, что и слазки раньше обѣда не велѣла дѣлать. А только часу не прошло, какъ возлѣ лѣса остановили весь царскій поѣздъ. Царевичъ Петръ изъ открытаго окошка ежа разглядѣлъ.

— Пустите меня!—кричить.—Поймаю я его. Давно мнѣ такого ежика хотѣлось.

Поймали царевичу ежа. Приказалъ онъ его къ себѣ на полу кафтанчика положить.

Положили.

Сунуль царевичъ палець въ острия иглы. Укололся, а виду не показалъ. Взялъ Натальюшкину косяную свисту-лечку, сталъ ею ежа тормошить. А тотъ, какъ мертвый сдѣ-лался.

— Пустимъ его назадъ въ лѣсъ, Петрушенька, — угова-ривала сына Наталья Кирилловна. — Неравно еще пальчикъ наколешь.

— Въ лѣсъ не пушу. На стоянкѣ наиграюсъ съ нимъ, — говорилъ мальчикъ.

— На стоянкѣ и поиграешь. А пока пускай спрячуть ёжика. — И Наталья Корилловна сдѣлала казначеѣ знакъ, чтобы убрали ежа. — Въ поборную телѣгу спрячьте, — приба-вила она.

Схватили ежа, сунули въ холщевый мѣшокъ и потащили въ поборную телѣгу съ дарами, покупками и челобитными.

А въ обѣдъ царевичъ про ежа и не вспомнилъ.

По пути ему расписнымъ возкомъ съ деревянными кони-ками поклонились, да братинками, да ложками рѣзными. За-бавъ и безъ ежа набралось.

Хотѣла царица и Воздвиженское, гдѣ уже который годъ у Катерины-пряничницы всегда останавливались, миновать, да взбунтовались дѣтки.

— Безъ мятныхъ рыбокъ не хотимъ домой ѣхать! Къ Катеринушкѣ заѣдемъ!

А Катеринушка, пряничница на всю округу прославлен-ная, царицу съ раняго утра дожидалась. Нарядилась баба во все наилучшее, домашнихъ вырядила, пряниковъ горой на блюдо, шитымъ полотенцемъ накрытое, навалила, на крылечкѣ рѣзномъ стала, съ дороги глазъ не спускаетъ.

А внизу крылечко народъ обступилъ. Бабы, мужики,

ребятишки сбѣжались поглядѣть, какъ Катерина пряниками царицѣ поклонится.

Со всего Воздвиженскаго люди понабрались. Богомолка старая съ дѣвчонкой селомъ къ Троицѣ проходила. Узнала, что царицу ждуть. Не пошла дальше. вмѣстѣ со вздвиженскими у Катериной избу приваль сдѣлала.

Пытали ее прогонять, а потомъ и сама запросилась бы старая—не отпустили бы. Бабушка занятная, рѣчистая оказалась. Про свои богомолья такъ рассказывала, что съ нею половина дня за часочекъ показалась.

Ну, а дѣвчонка ея—та ужъ юластая. То туда, то сюда и всѣмъ подъ ноги, а хватилась ея бабушка—слѣдъ. Орьки простылъ. Въ лѣсъ съ ребятами за малиной убѣжала. А тутъ, какъ разъ, передовые стрѣльцы царскаго поѣзда показались. Про Орьку даже бабушка сразу забыла.

Насторожился народъ. Затихъ.

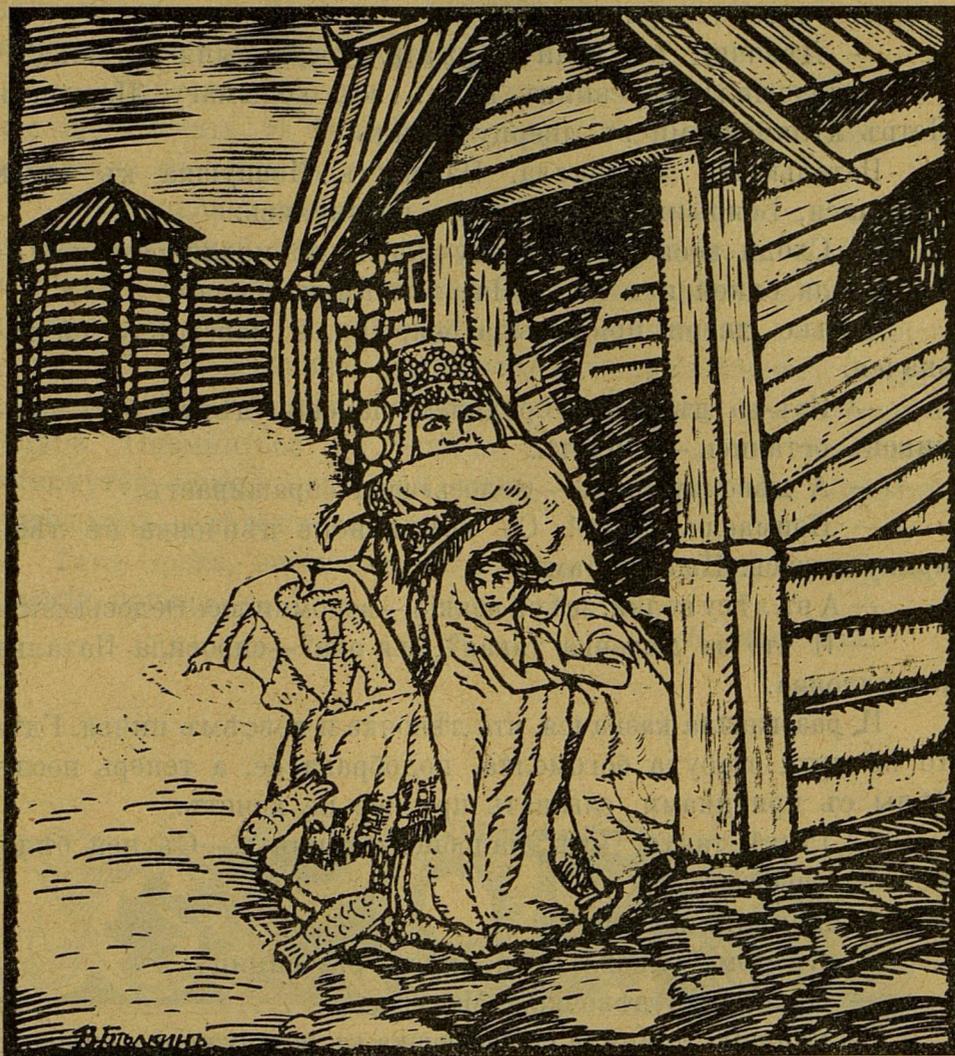
Выждала время Катеринушка и со ступенекъ сходить стала. Привычная она была. На нижнюю ступила въ ту самую минуту, какъ царицына колымага у крылечка оставилась.

Уже блюдо съ пряниками протянула баба казначеѣ, какъ вдругъ, откуда ни возмись, богомолкина дѣвчонка въ сарафанишкѣ заплатанномъ, босая, съ косѣнкой, лоскутомъ заплетѣнной, въ самое блюдо съ разбѣга головой ударилась.

Ахнуть не успѣла Катерина—всѣ ея пряники на землѣ очутились.

Обомлѣли всѣ. Оторопѣла дѣвчонка. Схватила рукой за ушибленный лобъ. А Катерина ее да за косѣнку.

— Убить тебя мало!—кричить. Отъ злости и стыда все въ головѣ помутилось у бабы. Румяное лицо точно снѣгомъ покрылось, страшнымъ сдѣлалось.

Ахнуть не успѣла Катерина—всѣ ея прѣники на землѣ очутились.

Увидала его изъ-за камки персидской Федосьюшка и не своимъ голосомъ крикнула:

— Дѣвочку не вели обижать, государыня-матушка!

Всполошилъ царевинъ крикъ всю колымагу. Царевичъ Петръ кулаченками въ дверцу забилъ.

Натальюшка заплакала. Царевичъ Иванушка къ мамѣ прижался. Боярыни къ окошкамъ потянулись.

— Сходи поскорѣй, что случилось, не медля разузнай!— приказала одной изъ нихъ Наталья Кирилловна.

Только двери пріоткрыла боярыня, а навстрѣчу ей казначея.

— Изъ-за дѣвчонки бродячей царскія дѣтки безъ пряниковъ остались,—ворчить.

— А дѣвочку били?—Федосьюшка спрашиваетъ.

— Поймаешь такую! Со всѣхъ ногъ дѣвчонка въ лѣсъ припустилась. Ищи ее тамъ.

— А въ лѣсу волки, звѣри всякіе,—вспомнилось Федосьюшкѣ.

— И что за дѣвочка такая? Чья она?—спросила Наталья Кирилловна.

И рассказала казначея, что дѣвочка и совсѣмъ ничья. Гдѣ-то по пути старуха богомолка подобрала ее, а теперь послѣ бѣды съ пряниками, слышать про нее не хочетъ.

— Развѣ такую мнѣ надобно?—кричить.—Съ ней бѣды не оберешься.

А пряничница вопить:

— Къ дому близко не подпущу разбойницу...

— Пропадетъ дѣвочка... Матушка!

Съ плачемъ припала Федосьюшка къ жемчужному оплечью царицы.—Дѣвочку бы намъ къ себѣ наверхъ взять. Ничья, вѣдь. Она бы за птичками моими походила...

Гладитъ рукой Наталья Кирилловна мокрѣя отъ слезъ

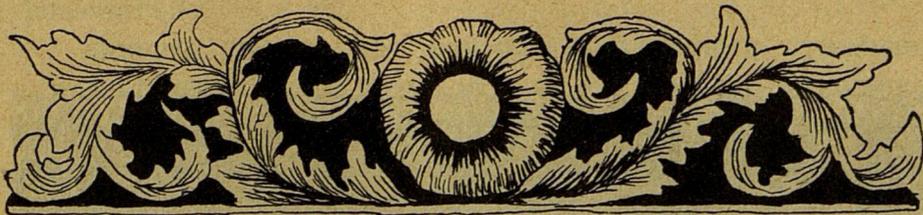
щеки Федосьюшки. Всѣмъ тонкимъ слабымъ тѣломъ прильнула царевна къ Натальѣ Кирилловнѣ. Утѣшить, успокоить захотѣла царица свою между падчерицами любимую.

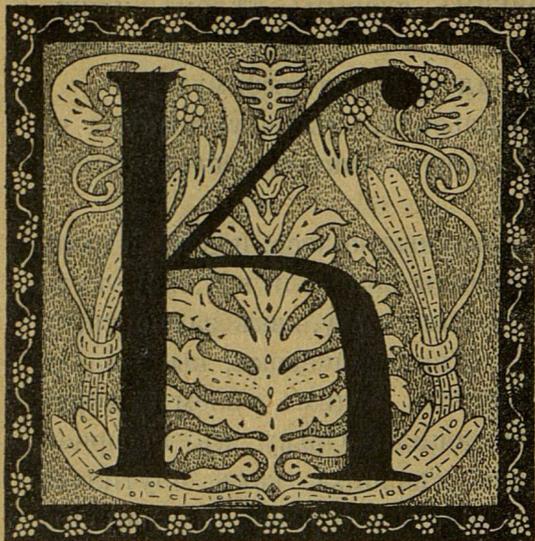
— Прикажи, Матрена Васильевна, дѣвочку, минуты не медля, отыскать. Я ее на Верхъ беру. — Такъ сказала царица и приказала въ путь трогаться.

Заворочались тяжелыя колымажныя колеса, подымая пыль съ разѣзженной дороги, а стрѣльцы полетѣли къ лѣсу, куда имъ люди указывали. Схватили они Орьку, какъ зайченка, за кустикъ со страху присѣвшую. Какъ зайченокъ, выбивалась дѣвчонка изъ крѣпкихъ рукъ. Всѣмъ тощимъ тѣломъ выкручивалась. Не выкрутилась. Потащили Орьку къ поборной телѣгѣ. Опомниться не успѣла дѣвчонка, какъ очутилась затиснутой между кадушкой меда, плетушкой съ малиной и мѣшкомъ, гдѣ ѣжъ сидѣлъ.

Такъ Орька, неожиданно, негаданно, въ Москву, во дворецъ царскій попала.

Н. Манискина.

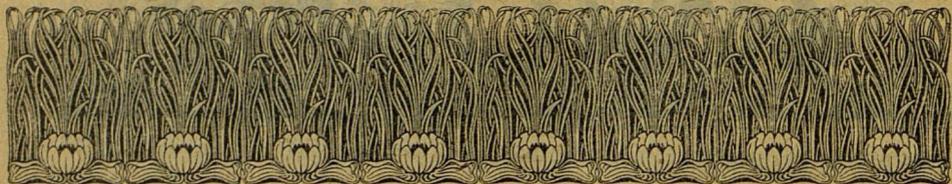
Комарики- Макарики.

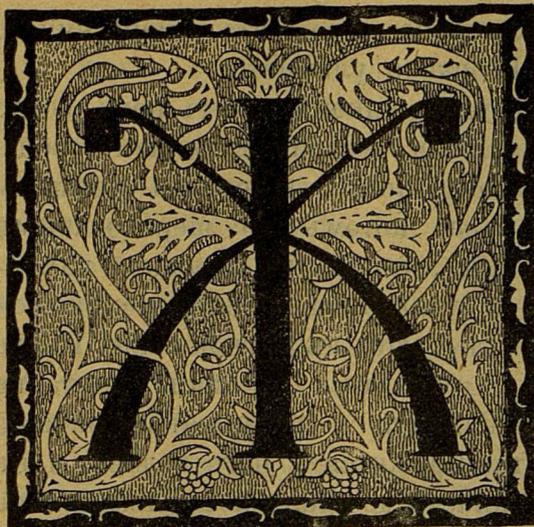
ОМАРИКИ неумные,
Неумные и шумные,
Столпились въ цѣлый рой,
Повисли надъ водой.

Веселая летунья,
Касатка-щебетунья
Пропѣла комарамъ:
„Жужжать ужъ будетъ вамъ.“

Любезные сударики,
Комарики-Макарики,
Довольно вамъ летать“,
И стала ихъ глотать.

К. Бальмонтъ.

Егорка.

I.

ИВЕТЬ Егорка на югѣ, въ большомъ городѣ у Чернаго моря.

Оттого ли, что солнце тамъ свѣтитъ постоянно, или такой ужъ счастливый у Егорки характеръ—

не знаю, но только у него всегда веселые глаза.

А радоваться Егоркѣ не изъ-за чего и даже вредно, потому что онъ—нищій.

Мать у Егорки—прачка, но стираетъ она мало, потому что у нея болятъ руки.

— Сырость ей косточки разломила,—объясняетъ Егорка,— вотъ она меня и посылаетъ, чтобы я ей подработалъ немного грошенятъ.

Каждый день, подъ вечеръ, когда много гуляющихъ, путешествуетъ Егорка босикомъ и въ рваныхъ штанишкахъ изъ пыльной слободки на городской бульваръ. Ботинки у него есть, и пара цѣлыхъ штанишекъ тоже найдется, но мать посылаетъ его въ городъ оборвышемъ, чтобы онъ возбуждалъ къ себѣ больше жалости. Однако, жалости Егорка совсѣмъ не умѣетъ возбуждать и потому „подрабатываетъ“ мало.

— Опять ты всего одиннадцать копѣекъ принесть,—сѣтуетъ мать,—хоть бы лицо жалобное дѣлалъ, что ли!..

— А зачѣмъ дѣлать жалобное лицо, разъ у меня ничего не болитъ?—недоумѣваетъ Егорка и улыбается.

Это невѣрно. У него часто порядкомъ болятъ ноги, когда онъ поздно вечеромъ, утомленный, возвращается изъ города. Сначала онъ идетъ по сырому песку, которымъ усыпаны дорожки приморскаго бульвара, потомъ по шероховатымъ „деревяшкамъ“ главныхъ улицъ, потомъ по неровной каменной мостовой предмѣстья, и только на родной немощеной Дюковской улицѣ его ноги отдыхаютъ въ мягкой пыли. Идетъ Егорка сонный и, чтобы не свалиться съ ногъ, считаетъ фонари. Досчитаетъ до пятнадцати и начинаетъ сначала: дальше онъ не знаетъ счета. Кружится у него голова, и въ это время вся веселость изсякаетъ до капли изъ улыбчивыхъ Егоркиныхъ глазъ.

Но на слѣдующій день онъ опять бойко семенитъ по бульвару, заложивъ руки въ карманы своихъ рваныхъ штанишекъ, останавливается у скамеекъ и безопасно спрашиваетъ, поднимая на гуляющихъ свои улыбчивые глаза:

— Можетъ, что дадите?!

II.

Возвращался какъ-то Егорка домой, болѣе усталый и сонный, чѣмъ всегда. Видитъ, передъ важнымъ господскимъ домомъ вся мостовая устлана соломой.

„Ишь ты, богачъ заболѣлъ, такъ ради него всю улицу запрудили, чтобы ѣзда не мѣшала ему спать“, подумалъ Егорка.

Подумалъ онъ это со злобой, потому что былъ очень утомленъ и перезабылъ всѣ свои утѣшительныя мысли; осталось въ головѣ одно злое. Но надо же было походить по соломѣ, — такой случай выпадаетъ рѣдко,—и Егорка

ступилъ на подстилку, хотя она кололась. Онъ сдѣлалъ два шага и наткнулся на что-то мягкое. Посмотрѣлъ подъ ноги — ничего не видно. Тогда Егорка присѣлъ на мостовую, пошарилъ въ солому и вытащилъ за лапку маленькаго котенка съ круглой, не по росту большой, головой. Егорка улыбнулся, и злость его прошла. Онъ прилегъ на солому и положилъ себѣ котенка брюшкомъ на шею; котенокъ былъ теплый, и шеѣ отъ него было приятно.

„Двѣ минуточки отдохну“, подумалъ Егорка и сейчасъ же крѣпко заснулъ; а утромъ наѣхалъ на него какой-то разиня-извозчикъ.

Прискакала „скорая помощь“ и повезли Егорку въ больницу. Тамъ я съ нимъ и познакомилась: я была тогда сестрой милосердія.

Пролетка повредила Егоркѣ ногу. Мы съ врачомъ рѣшили подержать мальчика въ больницѣ подольше, чтобы подкормить его немного, а то онъ былъ, какъ спичечка. Но Егоркѣ было скучно въ больничныхъ палатахъ: онъ тосковалъ по слободскому саду для народныхъ гуляній. Правда, садъ былъ запыленный и съ хилой травой, однако можно было тамъ ловить кузнечиковъ и даже иногда найти въ кустахъ гнѣздо сѣрой волохатки. Бродилъ Егорка по палатамъ, подбирая черезчуръ длинный для него больничный халатикъ, и то-скливо напѣвалъ уличную пѣсню про этихъ волохатокъ:

— Птички—волохатки,
Милые ребятки,
Выгляньте изъ хатки!

Пришлось его выписать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выписки, я встрѣтила Егорку на бульварѣ, и онъ мнѣ сказалъ:

— Когда человекъ переѣдутъ, это хорошо.

— Что ты говоришь!—возмутилась я,—вѣдь это больно!

— Я не говорю, что хорошо, когда переѣдутъ насовсѣмъ, какъ вчера электичка мопсика,—успокаивалъ меня Егорка,— а если зацѣпить пролетка, это ничего, это хорошо.

— Почему?

— Мнѣ теперь можно возвращаться домой засвѣтло, до фонарей,—мамка боится, чтобы опять не переѣхали... И высыпаюсь я съ тѣхъ поръ—ух!

М. Моравская.

Отчего черепаха свой домъ на себѣ носить.

Сказка.

ЦАРЬ звѣриный
Звалъ на именины
Весь звѣриный мѣръ.
Звѣри полевые,
Жители лѣсные
Собрались на пиръ.
Всѣ сошлись безъ страха,
Только черепаха
Не пришла на зовъ.
И сказалъ сурово
Грозное царь слово
И послалъ пословъ,—
Привести старуху.
„Вольнаго ты духу
Набралась давно ль?“

Отчего въ презрѣньѣ
Наше приглашенье,—
Отвѣчать изволь!“

— „Батюшка, готова

Грозное я слово
Выслушать твое.

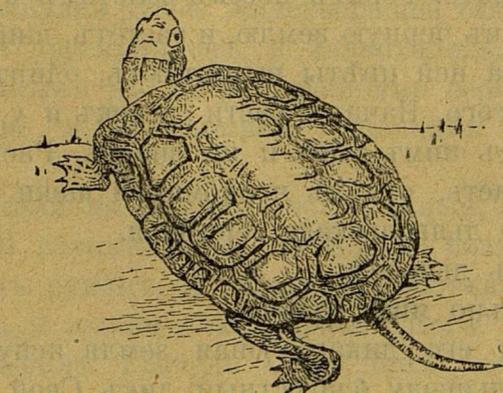
Не гнѣвись напрасно,
Взоръ не хмурь свой ясный!
Мило мнѣ мое
Тѣсное жильѣ.

Съ домомъ разставаться,
Въ дальній путь пускаться
Не подь силу мнѣ.“

„Такъ носи жь съ собою
Лѣтомъ и зимою
Домъ свой на спинѣ!“

Съ той поры досюду
Домикъ свой повсюду
Носить круглый годъ
Черепашій родъ.

О. Бяляевская.

Горы и пыль.

(Изъ народныхъ сказаній).

СОТВОРИЛЪ Богъ небо и море и сталъ насаждать землю.

А дьяволъ былъ тутъ же. Вылѣзъ, любопытный, изъ преисподней, посмотрѣть, что будетъ. Такъ за Богомъ слѣдомъ и ходить, какъ тѣнь Его.

Вотъ понадобился Богу песокъ. Хотѣлъ Онъ его съ землею смѣшать, чтобы лучше цвѣты росли. Оглянулся Богъ, видитъ—дьяволъ сидитъ, скосился, смотритъ.

— Пойди-ка ты къ морю, принеси мнѣ песку,—сказалъ Господь. Хотѣлъ и темной силѣ дать дѣло въ свѣтлой своей работѣ.

Дьяволъ побѣжалъ къ морю, набралъ двѣ пригоршни песку, а третью себѣ за скулу спряталъ, утаилъ.

Самъ думаетъ:

„Теперь,—что Богъ станетъ дѣлать, то и я. Посмотримъ, у кого лучше выйдетъ“.

У дьявола отъ зависти уже давно сердце дрожало.

Принесъ онъ Богу песокъ, и сталъ Господь тотъ песокъ съ землею мѣшать. Горитъ песокъ золотомъ въ Божьихъ рукахъ, падаетъ въ черную землю, и растетъ, ширится плодоносная земля, а на ней цвѣты вырастаютъ, одинъ краше и благоуханнѣе другого. Началъ расти песокъ и у дьявола во рту, а что дѣлать съ нимъ—онъ и не знаетъ. Распираетъ песокъ дьявольскую пасть, отдулъ черномазья щеки въ разныя стороны. Не стало дьявольскаго терпѣнья.

И завспилъ дьяволъ:

— Ой, больно мнѣ, больно!

Отъ вопля его дикаго юная земля испугалась, а Богъ повернулъ къ дьяволу благостный ликъ Свой и спрашиваетъ

— Отчего тебѣ, дьяволъ, больно?

Видитъ дьяволъ, что не скрыть ему обмана и признался:

— Да, вотъ, хотѣлъ я у Тебя песочку немножечко утаить, спрятать его за скулу, а онъ мнѣ ротъ распираетъ. Что дѣлать? Выручи! Вѣдь всего одну песчиночку утаилъ.

Не могъ и тутъ не солгать.

— Ну, хорошо, выручу Я тебя,—сказаль Богъ.—Бѣги ты и все плюй, плюй, пока не выплюешь всего песка.

Побѣжалъ дьяволъ, только когтистыя лапы замелькали, и ну плевать! Плеваль, плеваль и, куда ни плюнетъ,—тяжкая глыба землю такъ и придавить, словно волдырями и наростами безобразными и страшными покрывая ее, юную и прекрасную.

Долго бѣгалъ дьяволъ и много наплеваль уродливыхъ глыбъ.

Увидалъ это Богъ, покачалъ головою и задумался.

И притихло все на землѣ. Даже вѣтерокъ сложилъ крылья свои и притихъ къ цвѣтамъ, какъ уснувшая ночная бабочка.

Но вотъ поднялъ Богъ лицо Свое, и озарилось оно свѣтлой улыбкой.

— Надо исправлять бѣду, сотворенную дьяволомъ,—сказаль Онъ и коснулся рукою животворящей тяжкихъ, безобразныхъ глыбъ. И дрогнули онѣ, и задвигались, и стали вздыматься и стремиться къ небу стройными вершинами. И опали долинами, и прорѣзались ущельями и круглились склонами.

И вотъ встали на землѣ многогранныя, высотой своей гордыя горы. И расцвѣтились тѣнями, и покрылись лѣсами, какъ кудрявымъ руномъ. И опоясались облаками, и осеребрились туманами, и ждали благословенія Бога.

И благословилъ Господь Свое новое, отъ тьмы и лжи

свѣтомъ и Словомъ рожденное твореніе, и запѣли всѣ ангелы и архангелы, херувимы и серафимы пѣсню великой неземной радости. Внимали ей юныя горы, внимали ей земля, море и воздухъ, внимали бѣлыя облака. А пѣсня разливалась все шире, и, коснувшись горныхъ вершинъ, падали на нихъ, застывая, неземные звуки. И ложились они, четкіе и нѣжные, нетлѣннымъ серебромъ: снѣжныя вершины — застывшая на землѣ пѣснь безплотныхъ силъ. А дьяволъ сидѣлъ и смотрѣлъ на работу Господню, и становилось ему все скучнѣе и тоскливѣе: терзала красота дьявольскій взоръ.

Сидѣлъ дьяволъ, раскрывъ наболѣвшую пасть, тяжело дыша отъ долгаго бѣга, и смрадъ шелъ отъ его вспотѣвшей, скользкой шерсти. А хвостъ его, упругій, волосатый и съ кисточкой на концѣ, перекинулся черезъ округлость земли, загнулся и непрерывно двигался, ударяя землю, какъ хвостъ злой, раздраженной кошки.

Долго сидѣлъ такъ дьяволъ. Шли мгновенія, шли часы, — а можетъ быть, то были не мгновенія и не часы, а долгіе годы и вѣка, — и тамъ, гдѣ ударялъ по землѣ дьявольскій хвостъ, крошилась земля, крошились камни, мучились, какъ зерна отъ мельничнаго жернова. Все мельче становились крупичицы, все суше отъ прикосновеній горячаго хвоста и вотъ посѣдѣли и стали разлетаться, безчисленныя, обжигающія и душныя.

Такъ родилась на землѣ пыль.

Стала множиться, появляться всюду, тускнѣть все ясное и прозрачное, вставать дымными облаками, крутиться сѣдымъ привидѣніемъ, покрывать, иссушая, сочно-нѣжные лепестки цвѣтовъ, забираться, ничтожная, но могучая своею злобой, въ ихъ дѣвственно-бѣлыя чаши, въ глянцевитые свиточки младенцевъ-листьевъ, — всюду, гдѣ до нея была чистая красота.

А дьяволъ все подергивалъ кончикомъ хвоста. Темнѣло его огромное угловатое тѣло въ клубахъ пыли, и льнула пыль съ жадностью къ потной дьявольской шерсти. Забиралась подъ широкія крылья приплюснутаго носа, щекотала его, и чихалъ дьяволъ громко, съ присвистомъ, морщилъ, наслаждаясь, черное лицо, а вокругъ все ходуномъ ходило отъ перваго землетрясенія.

Долетѣла пыль и до того мѣста, гдѣ работаль Господь. Закружилась злобнымъ, беззвучнымъ хороводомъ, не смѣя приблизиться къ Создателю и ангеламъ Его, не смѣя подняться ко вновь сотвореннымъ снѣжнымъ вершинамъ.

Увидалъ Господь пыль, и на мгновение ослабѣлъ свѣтъ лица Его. Взглянулъ Онъ на лазурный воздухъ, не знавшій еще тьмы, и произнесъ:

— Отъ тебя да прійдетъ на землю спасеніе отъ бессмысленной злобы дьявольской.

И, протянувъ руку, взялъ клочекъ дьявольской шерсти. Очистилась и умягчилась колючая жесткая шерсть отъ прикосновенія руки Господней, и тогда развѣялъ ее Богъ въ лазурномъ воздухѣ.

Заклубились черныя волокна, стали чертить по лазури дымные узоры, загнулись хмурымъ свиткомъ, и повисли, отяжелѣвъ, надъ землею первыя грозовыя тучи.

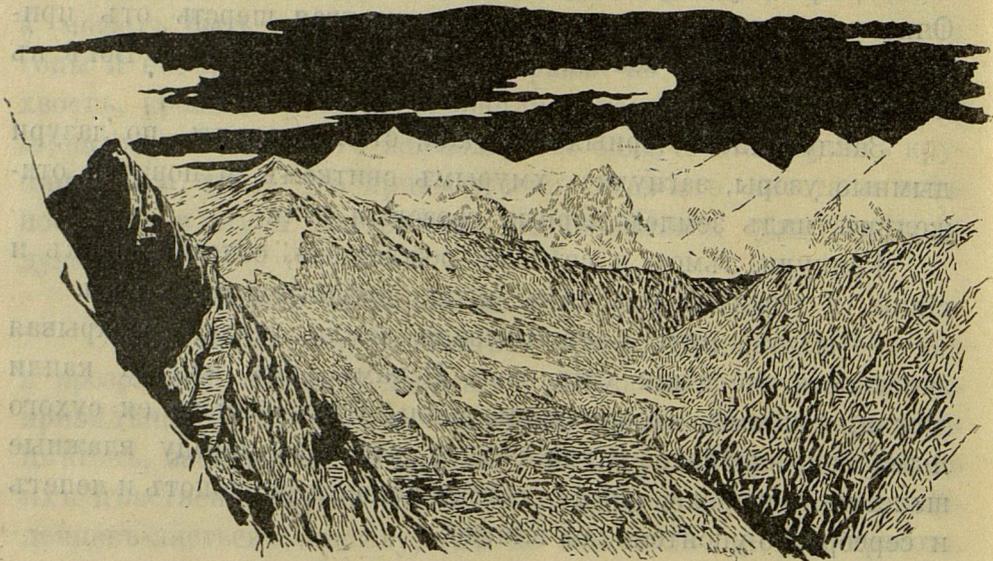
Грянули, тьмою и свѣтомъ рожденныя, сочетая мракъ и сіяніе, и хлынули изъ нихъ яркія, искупительныя слезы.

— Пить, пить!— всхлипывала земля, жадно раскрывая запекшіеся въ пыли уста свои. И тамъ, гдѣ падали капли дождя, исчезала, скорчившись, пыль. Нѣтъ больше ея сухого дыма, ея злобнаго глухо-нѣмого хоровода. Всюду влажные шелесты и шорохи, всюду дѣтски-радостный шопоть и лепетъ и серебристо-упойтельная пляска.

Среди чистыхъ водяныхъ струй, весь омытый и лоснящійся, сидѣлъ дьяволъ. Косился на небо, встряхивалъ ушами, когда шекотали ихъ капли дождя, утиралъ костлявою обезьянней лапой унылую мокрую морду. Старался не дергать хвостомъ: не нравилось ему, когда разлетались отъ ударовъ черной хвостовой кисточки веселыя водяныя брызги и загорались семицвѣтной радугой на проглянувшемъ солнцѣ.

А въ другомъ концѣ земли Господь Богъ смотрѣлъ на свои новыя творенія, и взоръ Его, облюбовавъ все, еще долго покоился на вершинахъ снѣжныхъ горъ, ибо онѣ были всего прекраснѣе на землѣ.

Снѣжныя вершины сохранили благоговѣйную память о любящемъ взорѣ Творца и теперь, когда въ предночныя часы вся земля кроется голубыми и сизыми тѣнями, долго еще блаженно блещутъ рдянымъ золотомъ снѣжныя вершины—на землѣ навѣки застывшая пѣснь Божества. *П. Соловьева.*

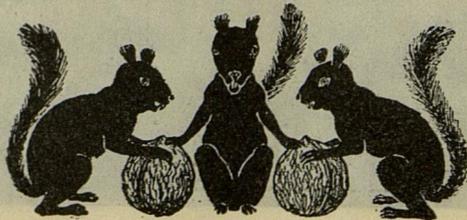

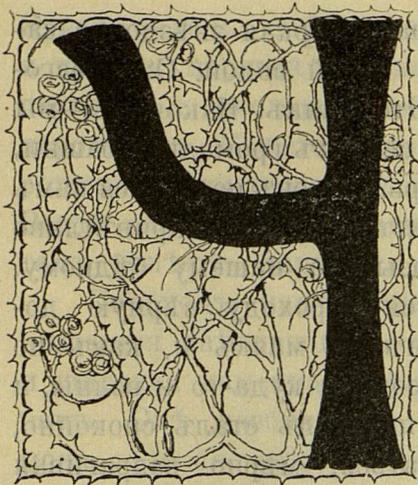
Пустынный. Картина М. Нестерова.

Нянино горе.

СЪЛА няня въ кухнѣ на сундукъ,
Съ головой покрылась шалью древней.
Плачетъ няня, что не ѣдетъ внукъ,
Не везетъ гостинцу изъ деревни.
„Самъ то выросъ, да не выросъ умъ!
Ни поклону бабушкѣ, ни вѣсти...
Хоть спасибо, что сосѣдкинъ кумъ
Разказаль о внуковой невѣстѣ.
Не къ добру приводитъ похвальба!
Вотъ онъ, вотъ онъ, внучекъ то хваленый:
Ничего не пишетъ про хлѣба,
Про пожаръ, да телочку Бурёной...“
Плачетъ няня, утирая носъ
Мокрымъ краешкомъ завѣтной шали.
Позабывъ съ орѣхами подносъ,
Мы съ сестрой тревожно задышали,
Потянулись къ нянѣ на сундукъ,
Протянули липкія ладошки:
„Няня, няня, не пріѣдетъ внукъ?..
Не пріѣдутъ черныя лепешки?..“

М. Шагинянь.

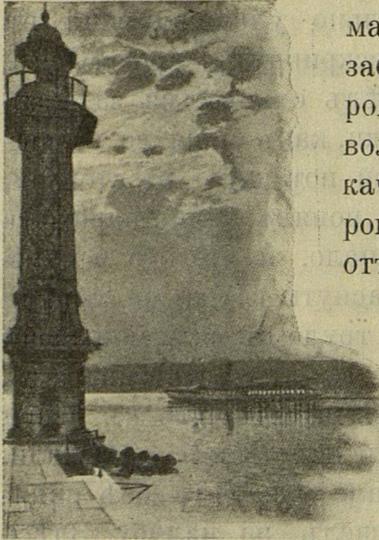

Какъ строить моль.

ТО-ТО больно ударило меня въ лобъ; я вскрикнулъ, проснулся и едва успѣлъ схватиться за край моей койки, какъ меня со страшной силой потащило въ сторону. Тутъ я понялъ, что пароходъ нашъ качало, и что это я самъ

стукнулся лбомъ о стѣнку каюты. Заснуть я уже не могъ и сталъ одѣваться, но съ большимъ трудомъ: все мои вещи катались по полу. Только я протянулъ руку къ сапогамъ, какъ сильно качнуло, и растянувшись, я полетѣлъ къ двери каюты; мои сапоги, какъ бы смѣясь надо мною, побѣжали, припрыгивая, къ умывальнику. Не мало я набилъ себѣ синяковъ пока, наконецъ, одѣлся и вышелъ на палубу. Здѣсь былъ мой отецъ и еще кое-кто изъ пассажировъ. Несмотря на утренній часъ, кругомъ было темно. Вѣтеръ со страшной силой метался вокругъ насъ, горой подымая волны и обдавая насъ отъ времени до времени дождемъ соленыхъ брызгъ. Нашъ большой пароходъ казался маленькой скорлупкой среди этого разъяреннаго, бушующаго моря; казалось, вотъ - вотъ его залететь и затопить. Мы стояли молча, крѣпко ухватившись за снасти и вглядываясь въ темноту, какъ будто выжидая чего - то. Было жутко и хорошо. „Ну мы еще посмотримъ, чья возьметъ!“ хотѣлось крикнуть и вѣтру и морю.

Но вотъ что-то блеснуло во мракѣ. Яркая звѣздочка зажглась гдѣ-то тамъ низко, надъ самой водой. Она разгорается все ярче, ярче и ближе. Это маякъ. Наконецъ—мы совсѣмъ близко; уже виденъ черный силуэтъ громадной башни, на верху которой ярко горитъ фонарь. Это онъ показался намъ

М а я к ъ .

звѣздочкой, которая насъ привѣтливо манила и указывала нашему бѣдному, заблудившемуся пароходу вѣрную дорогу. Мы обогнули маякъ и, какъ по волшебству, пропали куда-то и волны, и качка, нашъ пароходъ сталъ спокойно, ровно подвигаться, мѣрно вздрагивая отъ работы винта. Передъ нами заблестѣли огоньки. Это пристань освѣщена; тамъ ждутъ нашъ пароходъ. Мы съ отцемъ спустились въ каюту и, уже сквозь охватывающій насъ сонъ, слышали возню людей, привязывающихъ нашъ пароходъ къ пристани. Солнце высоко поднялось и обдавало жаркими лучами землю, когда я проснулся на другое утро.

Не было и слѣда вчерашней бури. Только издали доносился глухой рокотъ: это море еще волновалось и шумѣло гдѣ-то тамъ далеко, за моломъ. Мы съ отцомъ отправились осматривать портъ, такъ гостеприимно укрывшій насъ отъ бури.

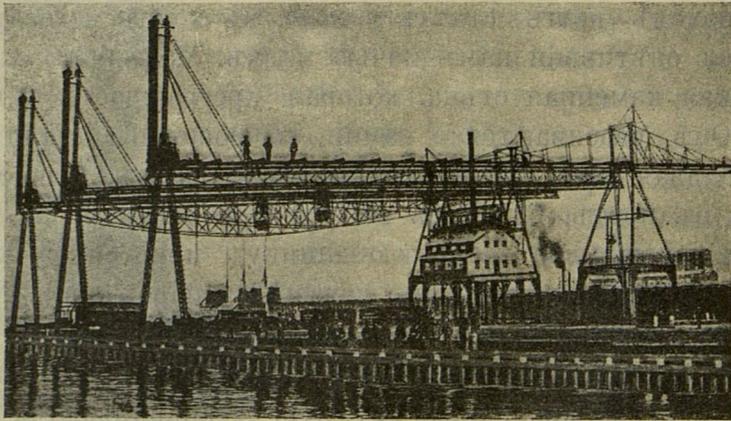
Живописная картина развернулась передъ нашими глазами. Въ глубинѣ, на прозрачномъ безоблачномъ небѣ, воздушно рисуется изрѣзанная линія синихъ горъ. Покрытые кудрявою зеленью холмы неровными грядами сбѣгаютъ къ морю, у котораго расположился большой портовый городъ.

Яркая зелень смѣшивается съ бѣлыми домами, колокольни и купола церквей сверкаютъ на солнцѣ позолотою. Какая пестрота, и сколько красокъ! А портъ!—Огромный. Сколько пароходовъ. Кажется, что со всего свѣта сюда собрались пароходы и маленькіе, и большіе, да какихъ тутъ только нѣтъ. Вездѣ развѣваются флаги и, какъ бѣлые лебеди, то тутъ, то тамъ бѣлѣютъ парусныя лодочки на бирюзовой глади моря.

Пароходъ нашъ стоялъ у *мола*, въ концѣ котораго вышается свѣтившій намъ ночью маякъ. Молъ—это длинная и широкая каменная стѣна, которая преграждаетъ путь волнамъ. Онѣ разбиваются о камни, наброшенные сзади стѣны мола, обдавая ихъ фонтаномъ пѣны и брызгъ, и не могутъ попасть въ портъ, гдѣ вода всегда спокойна и ровна.

Мы перешли на сосѣднюю длинную пристань, у которой стояло нѣсколько большихъ грузовыхъ пароходовъ. Посерединѣ пристани проложены рельсы, по которымъ взадъ и впередъ проходятъ товарныя поѣзда. Грузовые вагоны и платформы, до верху заваленные грузомъ, останавливаются передъ пароходами. Множество людей, загорѣлыхъ, въ грязныхъ оборванныхъ рубашкахъ работаютъ здѣсь. Одни выгружаютъ изъ вагоновъ кули съ зерномъ и мукою, другіе складываютъ ихъ рядами на пристани, третьи по сходамъ перетаскиваютъ ихъ на пароходъ. Тутъ работаютъ всевозможныя машины; большіе краны поднимаютъ на желѣзныхъ цѣпяхъ громадныя тюки товара. Тамъ грузятъ кору и заграничное дерево, а вонъ тамъ, высоко въ воздухѣ, подняли краномъ корову; ей завязали глаза, чтобы она не очень боялась и билась, она мычитъ и беспомощно болтаетъ ногами; кранъ повернулся, и ее бережно спустили на палубу, потомъ опять стали подымать еще и еще коровъ и быковъ, одного за другимъ. Вонъ черные, какъ трубочисты, люди высыпаютъ изъ вагоновъ ка-

менный уголь; образовались цѣлыя горы; другіе забираютъ уголь на тачки и развозятъ на пароходахъ. Взадъ и впередъ снуютъ матросы. Тутъ давка, тутъ суетня; и гуль, и стонъ стоитъ въ воздухѣ. Надо громко кричать, чтобы тебя слышалъ сосѣдь. Машины пыхтятъ и скрипятъ, паровозы свистятъ, пароходы гудятъ, люди кричатъ. Весело и бодро

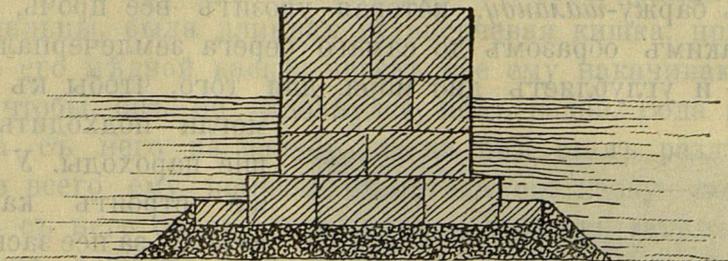
Приспособленія для выгрузки и нагрузки руды и угля.

дѣлается отъ всей этой суетни и криковъ, хочется самому что-то дѣлать, кричать, куда-то торопиться.

На берегу, на набережной, подъ длинными навѣсами сложены горы товаровъ: тюки, закрытые брезентомъ, ящики съ иностранными клеймами, громадныя вязки коры и кожи. Весь этотъ товаръ ждетъ очереди, когда его погрузятъ или на пароходъ, или на желѣзную дорогу, чтобы разойтись отсюда по бѣлому свѣту.

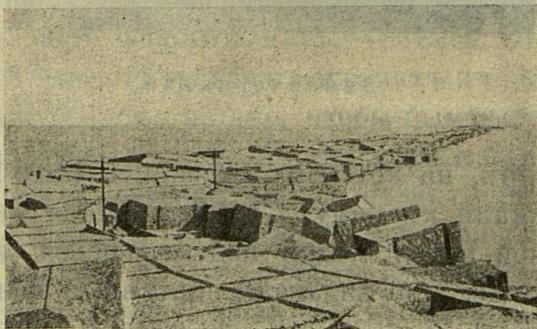
Мы взяли лодку и направились въ ней къ новой, еще строящейся части порта. Здѣсь уже не было ни поѣздовъ, ни пароходовъ; шумъ и суетня стали меньше. Мы увидѣли

огромныя машины, которыя поднимаютъ къ небу свои стальныя руки. Это *огромныя краны*—великаны. Они поднимаютъ *массивы* и укладываютъ ихъ рядъ на дно морское, потомъ еще

Разрѣзь мола.

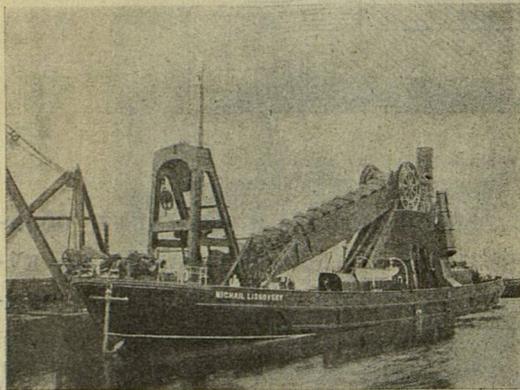
рядъ, одинъ на другой, все выше и выше, и изъ нихъ образуется моль. Массивами называются большіе каменные кубики, которые бываютъ иногда величиною съ желѣзнодорожный вагонъ. Берутъ большой деревянный ящикъ и въ него насыпаютъ песокъ и камешки и заливаютъ растворомъ цемента. Когда все затвердѣетъ, ящикъ разбираютъ и кубикъ готовъ. Онъ твердъ, какъ камень, и не только не портится отъ воды, но дѣлается еще тверже. Это свойство цемента. Изъ массивовъ и накладываютъ моль, какъ изъ игрушечныхъ кубиковъ.

Строющійся моль.

А это что за черная машина стоитъ на баржѣ и плюется грязью? Это *землечерпалка*. У нея на цѣпи насажены большіе

ковши, съ острымъ наружнымъ краемъ. Они опускаются въ море, захватываютъ со дна песокъ, каму, шкигрязь и землю и поднимаются съ ними вверхъ, а затѣмъ выбрасываютъ въ бокъ въ баржу-шаланду, которая увозитъ все прочь, къ берегу. Такимъ образомъ до самаго берега землечерпалка выбираетъ и углубляетъ дно моря, для того, чтобы къ берегу

Землечерпалка.

могли подходить большіе пароходы. У берега же строятъ каменную стѣнку, за нее засыпаютъ вынутую изъ моря землю уравниваютъ и мостятъ; это и есть *набережная*, гдѣ впоследствии будутъ складывать товары и при- ставать пароходы.

Мы уже собирались вернуться назадъ къ нашему пароходу, когда я обратилъ вниманіе на ка-

теръ, на которомъ суетились люди и что-то качали. Мы подъѣхали къ нему. Въ это время я съ ужасомъ увидѣлъ у самой нашей лодки поднимающееся изъ воды страшное чудовище. Оно издавало шипѣніе и свистъ; огромные пузыри бѣжали по водѣ отъ его желтой, какъ котель, головы, съ большими, какъ плоски, глазами, съ болтающимся хоботомъ или щупальцами. Я закрылъ глаза и, задрожавъ, ухватился за руку отца.

— Папа, что за ужасъ!—вскрикнулъ я невольно.

Отецъ мой громко размѣялся.

— Глупенькій, вѣдь это водолазъ!

— Я покраснѣлъ за свой испугъ и поспѣшилъ съ отцемъ перебраться на катеръ, чтобы поближе разсмотрѣть водолаза. Онъ уже подымался въ это время по лѣсенкѣ, которую я со страху и не замѣтилъ. То, что я принялъ—было за шупальцы, была длинная гутаперчевая кишка, придѣланная къ его мѣдной каскѣ; черезъ нее ему накачиваютъ воздухъ, чтобы онъ не задохнулся подъ водой. Вода ручьями стекала съ него на палубу, когда онъ сталъ раздѣваться. Прежде всего ему помогли отвинтить его каску—*скофандру*; затѣмъ съ него сняли гири, ихъ надѣваютъ затѣмъ, чтобы онъ былъ тяжелѣе и опускался на самое дно; затѣмъ уже сняли остальное гутаперчевое платье цѣликомъ, съ руками и ногами, какъ футляръ. Наконецъ, онъ весь освободился отъ своего страннаго костюма, такъ напугавшаго меня. Я бросился его спрашивать, зачѣмъ онъ спускался въ море и что тамъ видѣлъ; много ли тамъ краббовъ и раковинъ, видѣлъ ли онъ тамъ дельфина, или, можетъ быть, акулу?

— Акулъ въ нашемъ морѣ совсѣмъ нѣтъ,—смѣясь, отвѣтилъ мнѣ водолазъ.— Онѣ бываютъ только въ океанахъ и то не у береговъ обыкновенно. Спускался я на дно, чтобы вымѣрить глубину и поверхность дна: здѣсь будутъ строить молъ и надо знать, куда опускать массивы. А краббовъ на днѣ очень трудно увидѣть. Всѣ камни тамъ покрыты высокой густой травой, въ ней и прячутся они. Только и видѣлъ я тамъ небольшого ската, онъ два раза собирался ударить меня своимъ острымъ хвостомъ, но я его напугалъ фонаремъ, онъ и удралъ отъ невиданнаго чуда.

— Какимъ фонаремъ вы его напугали?—съ любопытствомъ спросилъ я.

— А вотъ этимъ.

Онъ показалъ мнѣ небольшой электрической фонарь.

Надо нажать пуговку, и тогда онъ зажигается яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ. Я его беру всегда съ собою въ море, чтобы лучше видѣть и не разбиться о камни. Въ морѣ совсѣмъ темно, а на днѣ бываютъ иногда большіе камни и между ними узкія расщелины и провалы, куда очень непріятно и опасно попасть.

Его прервалъ рѣзкій гудокъ. Это нашъ пароходъ, собираясь отходить, сзывалъ пассажировъ. И какъ мнѣ ни хотѣлось подробнѣе разспросить водолаза о всѣхъ чудесахъ, которыя онъ видѣлъ на днѣ, я долженъ былъ съ нимъ проститься, чтобы скорѣе поспѣшить на пароходъ.

В. Герсеванова.

Видъ мола въ Генуѣ.

Происшествіе.

ВЪ КОМНАТКѢ опрятной
Лампа накоптѣла.

Дѣти не видали—

Имъ какое дѣло?

Маленькія дѣточки

На полу играли,

Черненькіе чортики

По комнатѣ летали.

Чортики изъ лампы

Вылетаютъ роемъ.

Говорятъ: „Всю комнату

Сажей мы покроемъ!“

Облѣпили книги,

Стулья, драпировки.

Чортики, не больше

Булавочной головки,

Комнату всю чистую

Сажей замазюкали.

Кошки чистоплотныя

Громко замяукали.

Умываютъ мордочки

Бархатными лапами.

Бѣленькія дѣточки

Сдѣлались арапами.

Увидала няня,

Лампу разбранила

И пошла искать —

Гдѣ мыло?

Урванцовъ.

Астрономическія карты.

МЫ УЖЕ знаемъ, что за годъ Земля обѣгаетъ вокругъ Солнца, что она при этомъ обращаетъ къ Солнцу то сѣверное свое полушаріе, на которомъ мы живемъ, то другое—южное, и что отъ этого происходятъ у насъ зима и лѣто. Знаемъ и то, что, обѣгая за годъ одинъ разъ вокругъ Солнца, Земля въ то же время успѣваетъ 366 разъ обернуться волчкомъ вокругъ самой себя, и что отъ этого Солнце то показывается намъ, то скрывается отъ насъ, то-есть происходитъ день и ночь.

Начиная съ сентября, Земля съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе наклоняетъ къ Солнцу южное полушаріе: тамъ сейчасъ наступаетъ жаркое лѣто, а на нашу долю приходится тепла и свѣта все меньше и меньше. Солнце у насъ поднимается сейчасъ невысоко и посылаетъ намъ косые лучи, которые очень мало грѣютъ; съ каждымъ днемъ оно восходитъ позже и раньше заходитъ, такъ что дни все укорачиваются, а ночи удлиняются. Въ субботу 8-го декабря Солнце взойдетъ послѣ 9 часовъ утра, а зайдетъ немного ранѣе 3-хъ часовъ: это будетъ самый короткій день за весь этотъ годъ; этимъ днемъ окончится осень, а воскресенье 9-го будетъ считаться началомъ зимы. Правда, съ этого дня вертящійся волчокъ-Земля начнетъ понемногу выпрямляться, и наше сѣверное полушаріе опять будетъ получать все больше тепла и свѣта; однако выпрямляется Земля очень медленно, и поэтому холодныхъ и полутемныхъ дней у насъ еще будетъ довольно много: только мѣсяца черезъ два Солнце начнетъ обогрѣвать насъ, какъ слѣдуетъ.

Скоро уже годъ, какъ мы начали свое ознакомленіе съ небомъ. За это время Земля почти успѣла закончить свой путь вокругъ Солнца и черезъ нѣсколько недѣль окажется тамъ, гдѣ была въ началѣ года; тѣ же звѣзды опять будутъ сіять на небѣ, и найдемъ мы ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ впервые нашли ихъ въ январѣ.

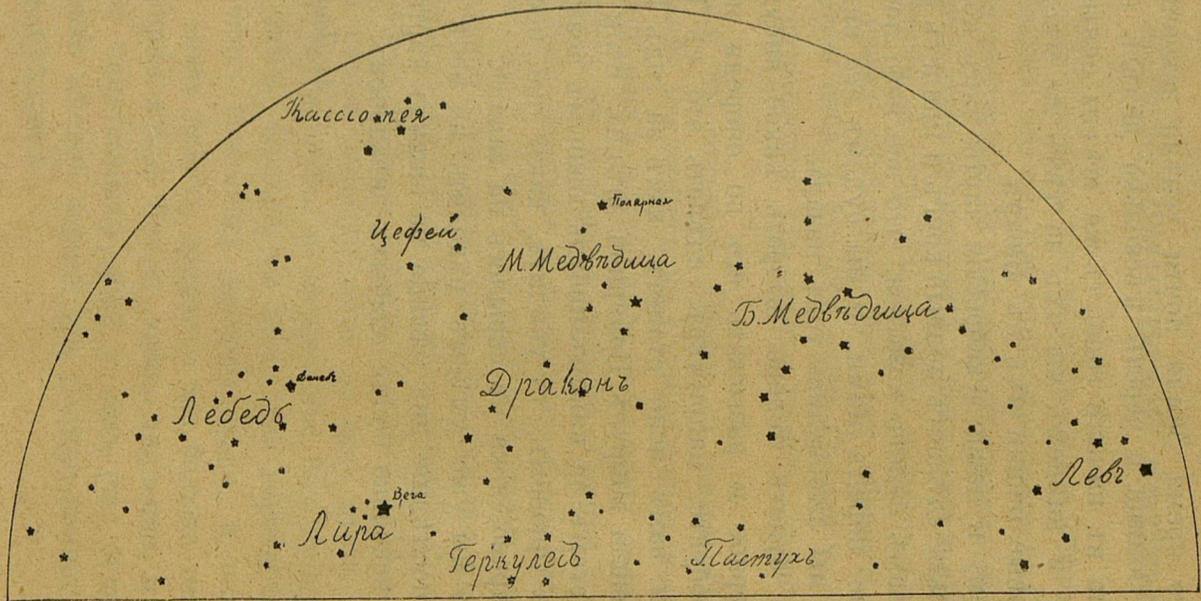
Вотъ почему и наши декабрьскія карты такъ похожи на январьскія. Земля сдѣлаетъ полный кругъ и придетъ на прежнее мѣсто, а намъ будетъ казаться, что все небо постепенно за годъ прошло передъ нами, и мы будемъ его видѣть такимъ, какимъ мы любовались годъ назадъ.

Интересно будетъ теперь выбрать какое-нибудь одно созвѣздіе сѣверное и разыскать его по очереди на всѣхъ картахъ; попробуйте, на примѣръ, сдѣлать это съ Большой Медвѣдицей, и вамъ ясно станетъ, какъ за годъ Большая Медвѣдица обошла вокругъ Полярной звѣзды. Если вы прослѣдите по картамъ за какимъ-нибудь южнымъ созвѣздіемъ, на примѣръ, за Оріономъ, то увидите, какъ оно постепенно подвигалось вправо, пока не скрылось на западѣ.

Такъ какъ мы уже умѣемъ находить на небѣ главныя звѣзды, то за послѣдніе два мѣсяца на нашихъ картахъ прибавлено еще нѣсколько болѣе слабыхъ звѣздочекъ.

А. Лойдисъ.

Съверная половина небсенаго купола.

Западъ.

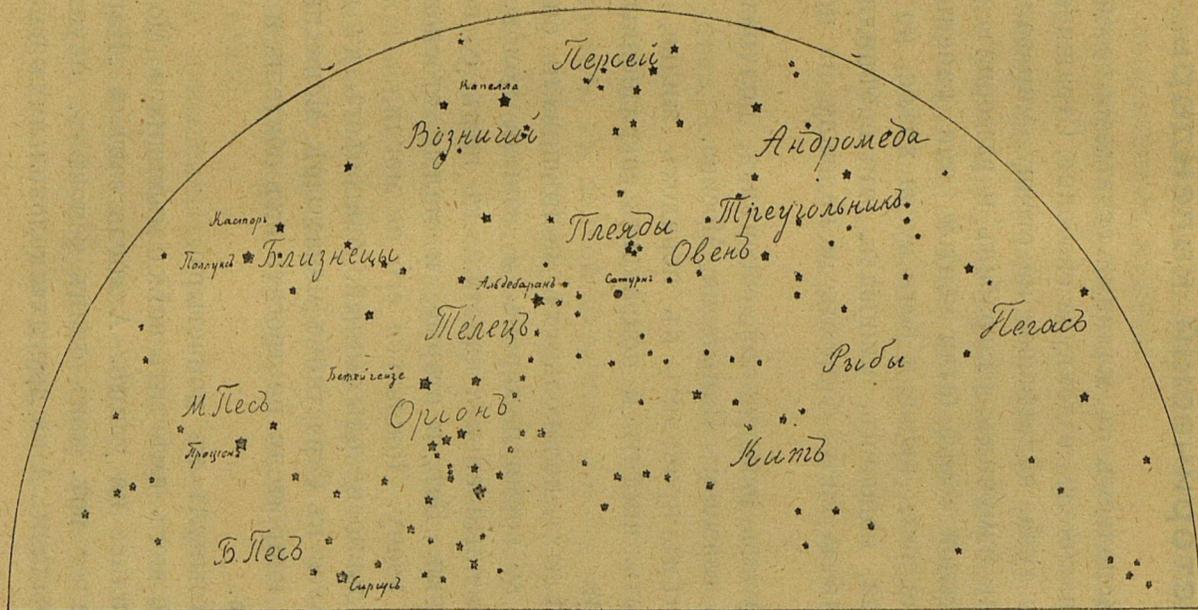
Съверо-западъ.

Съверь.

Съверо-востокъ.

Втооскъ.

Южная половина небеснаго купола.

Востокъ.

Юго-востокъ.

Югъ.

Юго-западъ.

Западъ.

Историческій календарь.

УШЕЛЪ Наполеонъ съ жалкими остатками своей арміи, и Россія, наконецъ, вздохнула свободно. Страшное бѣдствіе, какъ грозовая туча, налетѣвшее на страну, миновало.

Непріятель измучилъ, разграбилъ и раззорилъ наше отечество, въ каждой семьѣ были убитые или раненые, много людей осталось безъ крова и безъ куска хлѣба, но радость о томъ, что бѣда, наконецъ, миновала, что побѣдили мы, покрыла все, давала силу, бодрость и надежду на новую лучшую жизнь.

Встрепенулась разоренная, обгорѣлая, полуразрушенная прощальнымъ взрывомъ Наполеона, Москва.

Прежде чѣмъ приводить въ порядокъ жилье, москвичи принялись мыть, чистить и поправлять загрязненные непріателемъ церкви.

На обгорѣлыхъ колокольняхъ подвѣшивали снятые или обвалившіеся во время пожаровъ и взрыва колокола. Какъ воробы на овсяный снопъ, налетали къ нимъ со всѣхъ сторонъ мальчишки. Всѣ, и старые, и малые стосковались по колокольному звону. Дождаться его не могли.

Первый, давно не слыханный, благовѣстъ къ церковной службѣ раздался въ Страстномъ монастырѣ. Монахинямъ удалось умолить непріятеля не трогать ихъ обители, и она почти не пострадала.

Народъ хлынулъ къ монастырю.

Храмъ не могъ вмѣстить всѣхъ молящихся. Молились на паперти, молились на улицѣ. А когда запѣли „Царю Небесный Утѣшителю“ всѣ, какъ одинъ человекъ, опустились на колѣни и зарыдали. А на другихъ колокольняхъ въ это время

тоже начинался уже перезвонъ, и по всему городу раздавалась праздничная пальба изъ своихъ, уцѣлѣвшихъ, или оставленныхъ непріателемъ пушекъ.

Оживала Москва подъ звонъ, съ искони милыхъ ея сердцу, колоколовъ.

Въ покинутые разоренные дома со всѣхъ сторонъ потянулись ихъ разбѣжавшіеся владѣльцы. Нахлынули въ Москву каменщики, плотники и всякіе мастеровые. Все чинилось, приводилось въ порядокъ, собиралось чуть не по кусочкамъ то немногое, что уцѣлѣло.

И такъ было въ каждомъ городѣ, гдѣ побывалъ Наполеонъ.

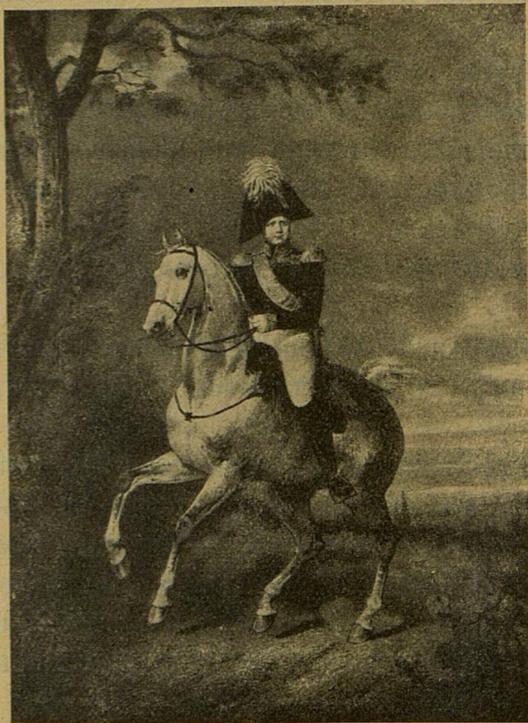
А въ Вильно, гдѣ, прогнавъ непріателя, остановился Кутузовъ, пріѣхалъ къ главнокомандующему изъ Петербурга самъ царь.

Было это 11 декабря, и былъ морозный солнечный день, когда Кутузовъ, въ полной парадной формѣ, съ шарфомъ черезъ плечо, стоялъ на подъѣздѣ виленскаго замка, гдѣ жилъ самъ и гдѣ было приготовлено помѣщеніе царю. Въ рукахъ главнокомандующаго былъ рапортъ о побѣдѣ надъ врагомъ. Кругомъ него стояли генералы, его сподвижники. Народъ толпился у крыльца.

Первый разъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ видѣли главнокомандующаго въ парадной формѣ. Пока шла война, онъ ни разу не снялъ походнаго мундира, часто даже ночью оставался въ немъ.

Тройка взмыленныхъ лошадей примчала къ подъѣзду открытыя сани съ царемъ. Весь въ инеъ и снѣгу, оглушенный восторженными кликами, вышелъ изъ саней Александръ. Онъ обнялъ Кутузова и рука объ руку вмѣстѣ съ нимъ прошелъ во дворецъ. Здѣсь уже дожидался оберъ-гофмаршалъ.

На серебряномъ блюдѣ онъ, по знаку царя, поднесъ Кутузову орденъ св. Георгія первой степени—величайшую награду, которую только могутъ дать военному. Еще раньше

Императоръ Александръ I. Портретъ Крюгера.

главнокомандующій за свои побѣды на Смоленской дорогѣ получилъ княжескій титулъ.

На слѣдующій день, какъ разъ въ свое рожденіе, императоръ поздравлялъ собравшихся генераловъ со спасеніемъ отечества и просилъ ихъ передать благодарность всему войску.

— Скажите имъ, что они спасли не одну Россію, а спасли всю Европу,—сказалъ царь.

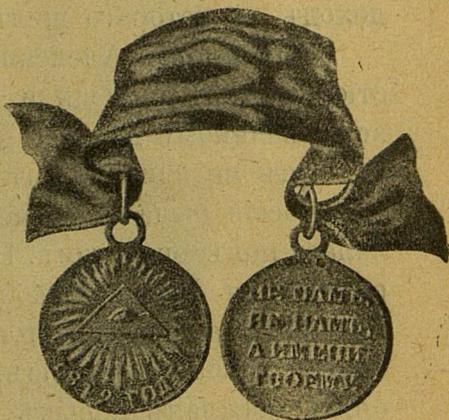
За торжественнымъ обѣдомъ въ этотъ день палили изъ пушекъ, отнятыхъ у непріятеля; пушки заряжали французскимъ порохомъ, а вечеромъ на балу царю поднесли знамена отнятыя у непріятеля.

Наградивъ главнокомандующаго и генераловъ, Александръ позаботился о томъ, чтобы каждый изъ участниковъ войны имѣлъ медаль на память о ней. Медаль эта была серебряная. На одной ея сторонѣ была надпись: „1812 годъ“, а надъ ней лучи Всевидящаго ока. На другой же сторонѣ стояло: „не намъ, не намъ, а имени Твоему“.

Люди радовались побѣдѣ, радовались своей новой славѣ, но никакія торжества и никакія празднества не могли надолго заслонить тѣхъ ужасовъ и страданій, которые ведетъ за собой каждая, даже самая счастливая, война.

Въ разоренныхъ городахъ оставались люди безъ крова, безъ куска хлѣба, крестьяне умирали отъ голода и холода въ своихъ обгорѣлыхъ деревняхъ. А къ обнищавшимъ, которые и сами были чуть живы, возвращались искалѣченные въ бояхъ отцы, братья.

Нужно было помочь погибающимъ людямъ. Для этого была необходима большая работа и большія деньги, а достать то и другое было труднѣе, чѣмъ когда-либо: всѣ были утомлены войной, у всѣхъ, даже у самыхъ богатыхъ, денегъ

Медаль 1812 года.

было меньше, чѣмъ въ мирное время. Но люди, благодаря всему пережитому, стали добрѣе, любви въ нихъ прибавилось и давали они легче.

Жертвовали со всѣхъ концовъ: жертвовалъ царь, жертвовала вся его семья, придворные, аристократы, богачи-купцы. Въ Петербургѣ открыли „Патріотическое общество“. Оно устроило Патріотическій институтъ для офицерскихъ сиротъ-дѣвочекъ и школы для солдатскихъ дочерей. Въ Петербургѣ же сталъ выходить новый журналъ „Русскій Инвалидъ“, весь доходъ съ котораго шелъ на увѣчныхъ.

Императоръ Александръ принималъ самое горячее участіе въ дѣлѣ помощи и въ это же время готовился къ новому великому дѣлу.

Онъ не считалъ, что война кончена.

Россія была спасена отъ Наполеона, но вся Европа оставалась подъ его игомъ. Побѣды дали престолъ Наполеону, поражение въ Россіи поколебало его положеніе. Теперь, чтобы удержать за собой престолъ, Наполеону необходимо было новой славой загладить позоръ, которымъ покрыла его Россія. Онъ опять жаждалъ новыхъ войнъ, новыхъ завоеваній. Пока онъ былъ на престолѣ—покоя быть не могло. Всѣ государства были обречены жить подъ непрестаннымъ гнетомъ и страхомъ. Всѣ это понимали, но всѣ еще такъ боялись Наполеона, что ни одно государство не рѣшалось открыто выступить противъ него. Нуженъ былъ чей-нибудь смѣлый починъ.

Этотъ починъ взяла на себя Россія.

Съумѣвшіе побѣдить непобѣдимаго и спасти свою родину, русскіе первыми встали на защиту всѣхъ угнетенныхъ въ Европѣ.

„Идемъ положить конецъ нестерпимому киченію, станемъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу противъ властолюбія,

за челоѵчество противъ звѣрства!“ Такъ сказалъ царь еще измученному, только что затихшей войной, народу. И великій

Александръ I на Дворцовой набережной въ Петербургѣ.

народъ, забывая всѣ недавнія невзгоды, лишенія и муки, во имя справедливости и любви, оставилъ свою родину и пошелъ въ чужую землю освобождать угнетенныхъ.

Н. Манаскина.

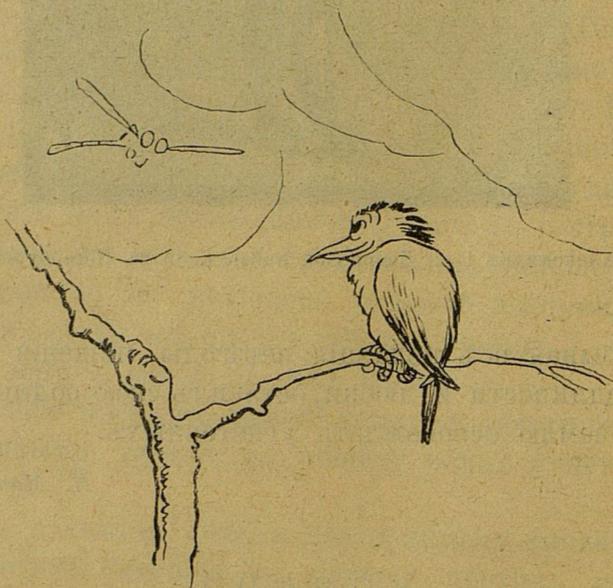
К О Н Е Ц Ъ.

Обидная ошибка.

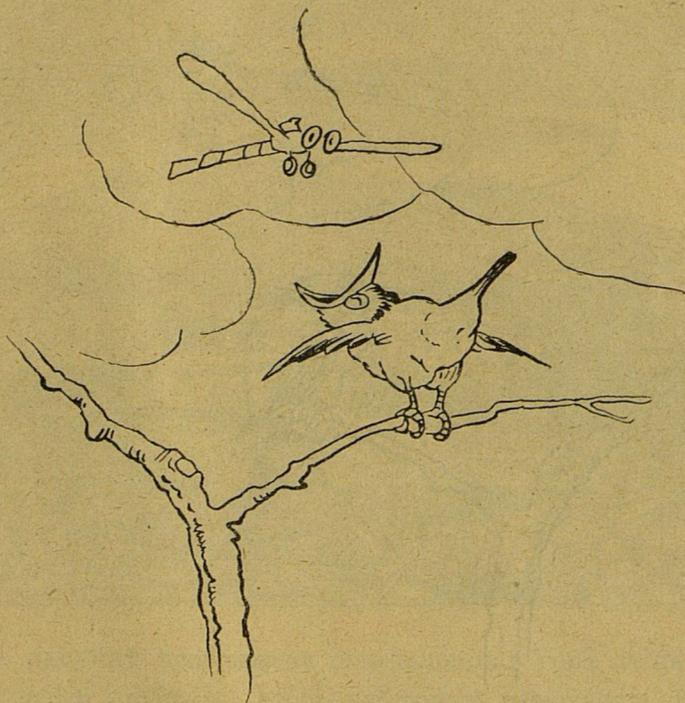
ГОЛОДНАЯ пичуга
Сидитъ, скосивъ глаза.

Вдругъ видитъ—въ небѣ съ юга
Летитъ къ ней стрекоза.

„Отличная закуска
Сама летитъ ко мнѣ.
Чтобъ не было ей узко,
Раскрою клювъ вполнѣ“.

Раскрыла клювъ пичуга,
Сидить, сомкнувъ глаза.

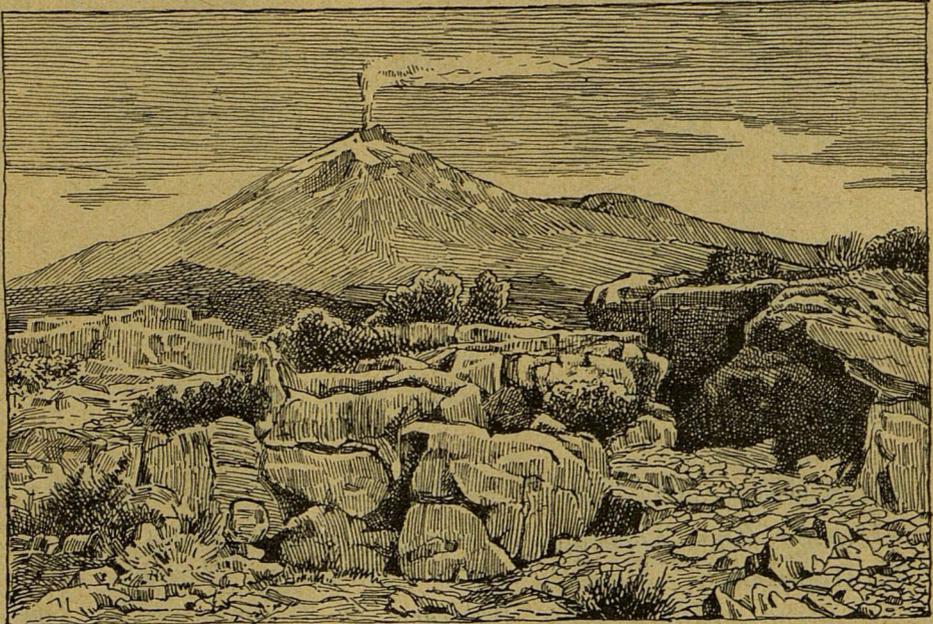
Лишь вѣтеръ дуетъ съ юга.
„А гдѣ же стрекоза?“
Все ближе мчится, шибко,

Но ахъ! что за обманъ,

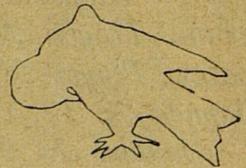
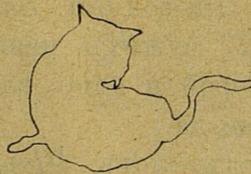
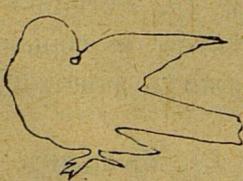
Обидная ошибка:
Летить... аэропланъ.

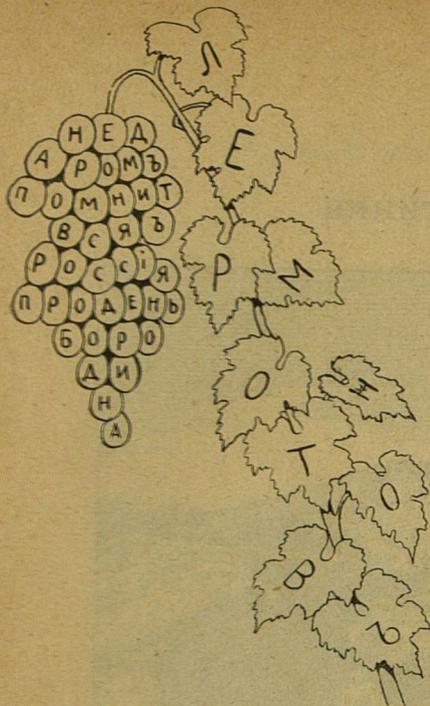
Загадочная картинка.

На этомъ рисункѣ изображена огнедышащая гора Этна. Одинъ старый ученый пріѣхалъ, чтобы наблюдать изверженіе. Гдѣ онъ?

Рисунки однимъ штрихомъ.

Рѣшеніе задачи буквѣ въ виноградной лозѣ.

Въ листьяхъ:

„Лермонтовъ“

Въ ягодахъ:

„Не даромъ помнить
вся Россія
Про день Бородина“.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 5-мъ, 9-мъ, 10-мъ и 11-мъ №№

Шарада Юры Горскаго. Ком-Ната. *Шарада Вавы Горскаго.*
№ 1. Пар-о-возъ. *Шарада № 2.* По-жаръ. *Загадка № 1.*
Крыло—рыло. *Ребусъ Ины Крөггусъ № 3.* Безъ соли, безъ
хлѣба худая бесѣда.

Шарада № 7. Брод-яга. *Шарада № 8.* Ку-зовъ.

Загадка № 15. Ка-пуста. *Шарада № 9.* Па-роль. *Ша-
рада № 10.* При-быль. *Ребусъ № 3.* Кто запасетъ хлѣба пол-
ные закрома, того не пугаетъ суровая зима. *Загадка № 16.*
Баран-ка. *Загадка № 17.* Ш-курка. *Загадка № 18.* Столъ—
столбъ. *Шарада № 11.* На-вол-ока. *Загадка № 19.* Устюгъ—
утюгъ. *Ребусъ № 4.* У чужихъ невкусно ѣтся и горько
пѣтся. *Ребусъ № 5.* Порой и одно слово служить защитой.
Шарада № 12. Пир-а-ми-да.

Загадка № 20. Флотъ—лотъ. *Шарада № 13.* Мышьягъ.

Редакт.-Издат.: *И. Соловьева и Н. Манасеина.*

Содержаніе журнала „Тропинка“ за 1912 годъ.

Стр.

С т и х и.

Стр.

1. Коляда—народная пѣсня	3
2. Дѣвочка—З. Гиппиусъ	37
3. Зимнее утро—О. Бѣляевской	99
4. Водчья тоска—М. Моравской	135
5. Боберъ—народная пѣсня	146
6. Печутовый—П. Соловьевой	195
7. Воскресеніе—П. Быстрова	291
8. Воскресеніе весны—М. Пожаровой	305
9. Оправданіе воробьевъ—Аллегро	317
10. Эльфы—М. Пожаровой	407
11. Трость и зонтикъ—П. Соловьевой	447
12. Новоселье—М. Моравской	471
13. Лѣтней порой—О. Бѣляевской	519
14. Лѣто—А. Насимовича	567
15. Осеннія хлопоты—О. Бѣляевской	615
16. Сова—М. Моравской	644
17. Неудача—М. Моравской	695
18. Дурень—А. Насимовича	726
19. Свѣтлоглазочекъ—К. Вальмонта	775
20. Вовинъ какаду—Аллегро	831
21. Елочные гости—М. Пожаровой	839
22. Лѣсная тишина—А. Блока	852
23. Комарики-Макарики—К. Вальмонта	894
24. Почему черепаха свой домъ на себѣ носитъ—О. Бѣляевской	898
25. Проществіе—Урванцова	906
26. Нянино горе—М. Шагинянъ	915

2. Астрономическія карты—А. Лоидисъ	60
164, 255, 376, 444, 558, 602, 641, 746, 816	916
3. Историческій календарь—Н. Манасеиной	68, 167, 260, 379, 451, 509, 561, 605, 672, 767, 826, 920
4. Знакомство съ царствомъ растений—С. Лебедева	319, 434, 494, 553, 586, 627
5. Диккенсъ—П. Мамаева	329
6. Дѣтство Александра I.—П. Мамаева	415
7. Наполеонъ Бонапартъ—П. Мамаева	472
8. О громовыхъ стрѣлахъ—проф. А. Павлова	534
9. Взаимопомощь у животныхъ—Э. Пименовой	712
10. Какъ строятъ молъ—В. Герсевановой	907

Переводы.

1. Новый міръ Курда Ласевича	38
2. За счастьемъ—съ итальянскаго 150, 249, 364, 439, 500, 548, 593, 645, 748	727
3. Слѣпая королева—К. Гольсть	727

Путешествіе.

1. На вершину Арарата—А. Лоидисъ 136, 223, 306, 424, 486	
--	--

Картины, портреты и отдѣльные рисунки.

1. Богоматерь съ младенцемъ—М. Врубеля. На отдѣльномъ листѣ	
2. Христа славятъ—картина Горюшкина-Сокопудова	3
3. 1812 годъ—картина И. Прянишникова	11
4. Малороссійскій гетманъ Богданъ Хмѣльницкій	69
5. Петръ Великій	78
6. Вы не кусаетесь? рисунокъ В. Каррика	89
7. Дѣти—картина В. Сѣрова	148
8. В. А. Сѣровъ въ юности—портретъ работы И. Рѣпина	149
9. Борисъ Годуновъ	171
10. Государь Александръ II	172
11. Гражданинъ Мининъ—рис. М. Неестерова	173
12. Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ	174
13. Г. Н. Ѳедотова	185
14. Благовѣщеніе—картина Фра Филиппо Липпи на отдѣльномъ листѣ	
15. Ермакъ, покоритель Сибири	269
16. Иванъ Грозный принимаетъ посольство Ермака	270
17. Умная голова. Рисунокъ В. Каррика	278
18. Видъ Лондона—картина Добиньи	332
19. Диккенсъ въ юности	359
20. Портретъ Диккенса въ національной портретной галлерей въ Лондонѣ	360

Повѣсти рассказы и сказки.

1. Мусью—Е. Шведера	5
2. Духовикъ—О. Форшъ	100
3. Вабушкинъ коверъ—Ю. Насвѣтовой	121
4. Цвѣтоносный день—Н. Манасеиной	208
5. Съ вербы—Е. Родіоновой	233
6. Тайная милостыня—Н. Манасеиной	292
7. Исторія моей Маруши—И. Гинцбурга	408
8. Таинственный островъ—А. Алтаева 520, 568	616
9. Край свѣта—В. Карачаровой	616
10. Одуванчикъ и змѣиная шкурка—М. Моравской	635
11. Изъ дѣтскихъ воспоминаній—Е. Юнге 696, 776	
12. Переселенческой мальчикъ—А. Вережниковъ	796
13. Наводненіе—В. Герсевановой	810
14. Нашъ спектакль—З. Гиппиусъ	841
15. Егорка—М. Моравской	895
16. Царевны—Н. Манасеиной	855
17. Горы и пыль—П. Соловьевой	900

Біографіи и научныя статьи.

1. Какъ китайцы празднуютъ новый годъ—Э. Вейбаумъ	52
---	----

	Стр.
21. Диккенсъ	363
22. Рисунки животныхъ и птицъ	396
23. Павелъ I—портретъ работы Боровиковскаго	415
24. Императрица Марія Ѳеодоровна, мать Александра I.—Портретъ работы Кюгельхена	416
25. Великіе князья Александръ и Константинъ	417
26. Екатерина II въ Царскомъ Селѣ. Портретъ работы Боровиковскаго	418
27. Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи. Портретъ работы Лампи	419
28. Великій князь Александръ Павловичъ въ юности. Портретъ работы Лампи	420
29. Великій князь Константинъ Павловичъ въ юности. Портретъ работы Лампи	420
30. Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ	422
31. Няня Пушкина Арина Родионовна. Картина В. Максимова	432
32. Пушкинъ въ ранней юности	432
33. Пушкинъ 28-ми лѣтъ	433
34. Пушкинъ читаетъ свои стихи. Картина Ге.	433
35. Пушкинъ прощается съ Чернымъ моремъ. Картина Рѣпина и Айвазовскаго	433
36. Съездъ князей. Картина С. Иванова	453
37. Петръ Великій. Картина В. Сѣрова	461
38. Наполеонъ Банапартъ въ Бріенской школѣ. Картина Дюна	476
39. Наполеонъ въ юности	480
40. Атаманъ графъ Платовъ	512
41. Князь Багратионъ	513
42. Барклай-де-Толли	513
43. Франтъ. Рисунокъ Орловскаго	563
44. Лѣто. Картина М. Нестерова	567
45. Князь Кутузовъ	608
46. Военный совѣтъ въ Филяхъ. Картина Кившенко	675
47. Въ дорогъ. Рисунокъ Орловскаго	677
48. На рѣкѣ. Рисунокъ графа Ѳ. Толстого	704
49. Семейство художника. Картина графа Ѳ. Толстого	705
50. Залъ. Картина графа Ѳ. Толстого	708
51. Походъ въ Россію. Картина Мейсонье	768
52. Выступление Наполеона изъ Москвы. Рисунокъ Дюфора	770
53. Пастухи. Рисунокъ графа Ѳ. Толстого	777
54. У фонтана. Рисунокъ графа Ѳ. Толстого	782
55. За работой. Картина графа Ѳ. Толстого	788
56. Сѣнокосъ. Рисунокъ графа Ѳ. Толстого	795
57. Наводненіе въ Петербургѣ въ 1903 г. Рисунокъ Allegro	814
58. Пустынный. Картина М. Нестерова	905
59. Портретъ императора Александра I работы Крюгера	922
60. Александръ I на Дворцовой набережной въ Петербургѣ	925

	Стр.
Вѣсти отовсюду.	
1. Находчивый мальчикъ	85
2. Пѣшкомъ вокругъ свѣта	86
3. Русский ученый на пути къ южному полюсу	86
4. Жертвы воздухоплаванія	86
5. Писчія перья изъ металла тантала	87
6. Олимпийскія игры въ Швеціи	87
7. Новые поводыри	184
8. Столѣтній юбилей автора „Хижины дяди Тома“	184
9. Смѣлое предпріятіе	184
10. Г. Н. Ѳедотова	185
11. Обращеніе дикихъ животныхъ въ домашнихъ	279
12. Училище для увѣчныхъ дѣтей въ Мюнхенѣ	279
13. Гибель авиаторовъ	280
14. Открытіе Южнаго полюса	399
15. Ожидаемое затмѣніе	399
16. „Адмиралъ Флоренци“ и фрегатъ „Рѣзвый“	399

Обо всемъ понемногу.

1. Какъ прежде писали	79
2. Птицы зимой	84
3. Ковьки	176
4. Какъ животныя согрѣваются	179
5. Бумага	274
6. Колокола	389
7. Какъ животныя чистятся	462
8. Пряники	819

Игры и занятія.

1. Лазанье за призомъ	87
2. Костюмы индѣйцевъ изъ газетной бумаги	90
3. Какъ складывать фигуры изъ деревяшекъ	182
4. Игра въ подборъ словъ	280
5. Орѣховыя глазища	282
6. Шарада въ лицахъ	384
7. Игра въ цѣпь изъ словъ	396
8. Фигурки изъ бумаги и спичекъ	515

Смѣшныя картинки.

1. Тотъ веселѣе посмѣется, кому послѣднему смѣяться придется	283
2. Счастливый пыленокъ	402
3. Тщеславіе	691
4. Обидная ошибка	926

Ребусы, шарады и картинки.

95, 96, 190, 191, 286, 287, 288, 403, 404, 467, 468, 689, 690, 692, 772, 835, 836, 930

Соловьева П. С. (Allegro) „Семилѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебныя бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ОДОВРЕНО для учебн. бібл. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебн. бібл. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя бібл. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рис. Цѣна 20 к. **ОДОВРЕНО** для учебн. бібл. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для учебн. бібл. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-на!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березинны именины“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Цѣна 25 к. **ОДОВРЕНО** для учебн. бібл. низшихъ учебн. завед., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пригот. класс. средн. уч. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Первое апрѣля“. Комедія въ 1 дѣйств. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп. **ДОПУЩЕНО** въ бібл. вѣнш. учебн. зав., пріютовъ, малолѣтн. отд. и пригот. класс. средн. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Жизнь Хитролиса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ рисунками Б. Раббе. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. бібл. городскихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн. бібл. средн. учебн. завед.

ОДОВРЕНО для учебн. бібл. низшихъ учебн. завед., пріют., малолѣтн. отдѣл. и приготов. класс. средн. учебн. завед. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Allegro) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Allegro) „Царевна Землянична“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Франсз Анастоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. **ОДОВРЕНО** для учебн. бібл. младш. возраста средн. учебн. заведеній и для учебн. бібл. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. бібл. вѣншнихъ учебн. завед.

Шалурз Л. Н. „Люди и звѣри“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шведерз Е. І. „Пушинисіе уголи“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.

ОДОВРЕНО для учен. бібл. младш. класс. средн. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Изданія „Тропинки“ 1912 г.

Мавасемца Н. В. „Церботная принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Внате-ринны П. Съ иллюстраціями Т. Гипшусъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн. бібл. средн. учебн. заведеній.

Оду, Маргарита. „Пастушка“. Переводъ съ французскаго. Со снимками съ карт. и рисунковъ Миллэ. Цѣна 30 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. бібл. низш. учебн. заведеній, а также включено въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи бевпл. народн. читальнъ и бібліотекъ.

Соловьева П. С. „Дѣдушино кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

Новыя изданія „ТРОПИНКИ“.

1. „За счастьемъ“ переводъ съ итальянскаго *Е. Владиміровой*. Цѣна въ обложкѣ 50 коп., въ переплетѣ 80 коп.

2. *Людисъ, А. П.* „На вершину Арарата“. Цѣна 30 коп.

3. *Манасвина, Н. И.* „Марѣинькины святки“ и другіе рассказы. Цѣна въ обложкѣ 50 коп., въ переплетѣ 80 коп.

4. *Насвѣтова, Ю. И.* „Синюшки“ и другіе рассказы. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

5. „Новый міръ“. Сказки въ переводѣ *П. Соловьевой* и *Н. Манасвиной*. Цѣна въ обложкѣ 50 коп., въ переплетѣ 80 коп.

6. *Штормъ Т.* „Петрушка“. Повѣсть. Переводъ *Н. Манасвиной*. Цѣна 25 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 р.

Адресъ Книгоиздательства: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ №. 497-55.

Редакт.-Издат. *П. Соловьева* и *Н. Манасвина*.

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на журналъ „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“, Б. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. 6.
